

INSPIRIA

Кое-что
по секрету

Люси Даймонд

INSPIRIA

Сирсаке. Прелестная Люси Даймонд

Люси Даймонд

Кое-что по секрету

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Даймонд Л.

Кое-что по секрету / Л. Даймонд — «Эксмо», 2018 — (Сурсаке. Прелестная Люси Даймонд)

ISBN 978-5-04-161580-2

Люси Даймонд — автор бестселлеров Sunday Times. «Кое-что по секрету» — история о семейных тайнах, скандалах, любви и преданности. Секреты вскрываются один за другим, поэтому семье Мортимеров придется принять ряд непростых решений. Это лето навсегда изменит их жизнь. Семейная история, которая заставит вас смеяться, негодовать, сочувствовать героям. Фрэнки Карлайл едет в Йоркшир, чтобы познакомиться со своим биологическим отцом. Девушка и не подозревала, что выбрала для этого самый неудачный день — пятидесятилетний юбилей его свадьбы. Появление Фрэнки разделило жизнь дружной семьи Мортимеров на до и после. Но так ли все было идеально до ее появления? Оказывается, у всех есть свои скелеты в шкафу. «Блестящая история, в которой идеальная семья начинает распадаться на мелкие кусочки». — Goodreads «Многослойно, убедительно и красиво». — Daily Express «Поистине великолепная история от королевы семейных тайн. Как будто вы сидите со своими лучшими друзьями и делитесь секретами за кружкой горячего шоколада. Десять из десяти». — Victoria Fox «Обязательно к прочтению для всех, кто любит хорошие семейные драмы». — Woman's Weekly

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-161580-2

© Даймонд Л., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	32
Глава седьмая	37
Глава восьмая	42
Глава девятая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Люси Даймонд

Кое-что по секрету

Lucy Diamond

Something to tell you

Copyright © 2018, Lucy Diamond

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

С любовью посвящается моей семье

Глава первая

Выкрашенную белой краской дверь украшали изящный медный ящик для писем и дверной молоток из того же металла. Стоя перед дверью, пытаясь набраться храбрости, Фрэнки Карлайл чувствовала сладкий аромат неярких бархатистых роз, карабкавшихся вверх по стене дома. Ее непокрытую голову согревало теплое летнее солнце. Бриз доносил до нее крики и смех с ближайших спортплощадок и негромкий шум кольцевой дороги вдалеке. «Давай же, – сказала себе Фрэнки. – Это тот самый момент. Именно о нем ты думала последние шесть месяцев. Ты собираешься постучать или нет?»

Этим утром она вышла из дома, преисполненная решимости, чувствуя, что готова. Всю дорогу по гудронированному позвоночнику страны, через центральные графства Англии в Йоркшир, Фрэнки так крепко сжимала руль, что пальцы у нее свело судорогой, стоило ей взяться за рычаг ручного тормоза. Крэйг предлагал ей ехать поездом – говорил, что так намного быстрее, и даже принялся искать в телефоне расписание, – но Фрэнки предпочла собственный автомобиль. Он пригодится, если вдруг придется уносить ноги.

Мили шоссе, заправочные станции и поток машин остались позади, и воспоминания о пути на север уже померкли в ее мыслях по сравнению с совершенно невообразимой ситуацией: она стоит тут, у двери его дома. А что, если он больше здесь не живет? Или, хуже того, не хочет ни о чем знать?

Что ж, был только один способ это выяснить.

В последний раз пригладив спутанные темные волосы, облизнув пересохшие от страха губы, Фрэнки нервно слотнула и постучала в дверь. Один раз, другой. Звук оказался почти таким же громким, как стук ее сердца. На мгновение ее охватило острое желание развернуться и убежать, сесть в машину и уехать, отказавшись от смехотворной идеи. Но она тут же представила удивленное лицо Крэйга, если она вернется домой и скажет ему об этом – «Как, ты даже не дождалась, чтобы он открыл тебе дверь?» – и сумела совладать с нервами. Она сложила руки на груди и постаралась справиться с волнением. Сделала несколько глубоких вдохов. Эта встреча не должна была стать битвой, не должна была огорчить ее. Фрэнки будет милой, дружелюбной, спокойной. Если он, конечно, откроет дверь. Если он появится!

За спиной Фрэнки проехала машина, и на улице снова стало тихо. Из дома не доносилось ни звука, и она почувствовала, как страх ослабеваает, уступая место разочарованию. Фрэнки снова постучала. Возможно, он на заднем дворе, копается в огороде. Или задремал в шезлонге на террасе, а недочитанная утренняя газета осталась лежать у него на коленях. Возможно, он оглох. Или умер.

– У вас все в порядке, милая? – услышала она голос и, обернувшись, увидела женщину, вышедшую из соседнего дома и деловито открывавшую маленькую голубую «Микру» на подъездной дорожке. На вид ей было за пятьдесят, и она оглядела Фрэнки с головы до ног пронзительным взглядом, как будто предчувствуя неприятности.

– Да, – ответила Фрэнки. – Я ищу Гарри Мортимера. – Ей было странно произносить его имя вслух после всех этих лет, говорить о нем как о реальном человеке, а не как о ком-то призрачном, загадочном. – Он все еще живет здесь?

– Гарри? Как же, живет. Хотя сегодня вы с ним разминулись. Несколько часов назад они отправились в сельскую ратушу. – Женщина рассматривала Фрэнки с почти нескрываемым интересом. – Я сама там буду. Ему что-то передать?

Ага, как же. Это будет самый неподобающий поступок на свете.

– Не стоит. Я... Сельская ратуша, вы сказали?

– Да, дорогая, это на Мейн-стрит, напротив «Ко-оп». – Большим пальцем она указала на дорогу. – Вон там, наверху, повернете налево. Дойдете за несколько минут. – Женщина замялась, положив руку на дверцу машины, как будто хотела спросить о чем-то еще.

– Спасибо, – быстро поблагодарила Фрэнки как раз в ту секунду, когда женщина хотела сказать что-то еще, по всей видимости, задать следующий вопрос. – Большое вам спасибо.

Значит, он все еще жив и сейчас в сельской ратуше. «Попался», – подумала она, отправляясь в путь, пока храбрость совсем не оставила ее.

– Прежде всего позвольте мне поприветствовать всех, кто пришел на наш праздник, – сказал Джон Мортимер. – Как приятно видеть столько друзей и членов семьи. Практически все приглашенные смогли сегодня присоединиться к нам, чтобы отпраздновать золотую свадьбу мамы и папы. Это такое счастье для них. Благодарю вас всех за то, что вы стали частью этого торжества и разделите с нами этот особенный день.

Ответом ему стали широкие улыбки, озарившие лица, многие из которых уже разругались благодаря бесплатному бару. В зале было четверо взрослых детей Мортимеров, их четыре внука, многочисленные кузены и кузины, друзья Гарри по боулинг-клубу и весь вязальный кружок Джини (восемнадцать самоуверенных женщин плюс один худощавый молодой человек, которого они все без конца опекали). Были здесь и малыши, сидевшие у взрослых на руках, и старые школьные друзья, и многие из тех, кого Джини научила музыке за последние четыре десятилетия (хотя многие из них едва ли смогли бы вспомнить хотя бы несколько нот), и несколько бывших коллег Гарри по школе. В гримерке за сценой крепкий мужчина, покрытый густым фальшивым загаром, раздевшись до пояса, приклеивал к груди волосы.

– Как гласит легенда, – продолжал Джон, – мама и папа познакомились на танцах в этом самом зале. Если верить маме, то папа пригласил ее на танец, поспорив с приятелями. – Он замолчал, пережидая, пока стихнет прокатившийся по залу смех. – Если же верить папе, то мама ответила согласием только потому, что все его друзья хихикали у него за спиной и она его пожалела. Так что это не был традиционный сценарий любви с первого взгляда.

Добродушный смех стал громче, а Гарри и Джини расхохотались, заговорщически прижавшись друг к другу.

– Кто бы мог подумать, – продолжал Джон, – что спустя более чем полвека после этого спора мама и папа будут собираться в свое второе свадебное путешествие, не говоря о том, что они отпразднуют пятьдесят лет супружеского блаженства? – Кто-то одобрительно свистнул, и Джон улыбнулся залу. Он уверенно выступал перед публикой. Годы чтения лекций в университете означали, что он умел работать с аудиторией, поддерживать интерес слушателей и вовремя делать акценты.

Солнце врывалось в окна и освещало Джона, словно специально направленный прожектор. Он пришел на праздник в костюме и галстук, но теперь пиджак уже висел где-то на спинке стула, галстук оказался в кармане, рукава рубашки были закатаны, а верхняя пуговица сорочки расстегнута. Но он все равно отлично выглядел. Так считала его жена Робин, смотревшая на него с другого конца зала. Джону исполнилось сорок четыре, но он оставался в прекрасной форме: очаровательный и остроумный, высокий и красивый. Аудитория готова была есть у него с ладони. Чтобы в этом убедиться, достаточно было посмотреть на всех этих женщин, не сводивших с него глаз. Все любили Джона.

– Поэтому сегодня праздник дружбы, любви и радости, которую они приносят, – сказал Джон. – Пятьдесят фантастических лет брака, единства, что бы ни случилось. В этом браке были взлеты. Например, рождение их первого и лучшего ребенка, который стоит сейчас перед вами. – Он замолчал и насмешливо улыбнулся. – Правда, потом родились Пола, Дэйв и Стивен... Что ж, давайте скажем, что у мамы с папой были и непростые времена. Разочарования. – Джон усмехнулся, отмахиваясь от протестующих возгласов своих братьев и сестры. – Как бы

там ни было, мама и папа были замечательными родителями, замечательными друзьями, замечательными членами общины, и нам всем они очень дороги. Поэтому прошу вас оказать мне честь, поднять бокалы и присоединиться к моему тосту. За Джини и Гарри.

– ЗА ДЖИНИ И ГАРРИ, – хором отозвались присутствующие еще до того, как Джон раскланялся и спустился со сцены. Один из его братьев тут же сделал вид, будто хочет его ударить, а другой обхватил за шею. Тем временем Пола, их сестра, жестами показывала своим сыновьям-подросткам, что видит, как они допивают вино из оставленных бокалов. (Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы мальчишек не вырвало до конца вечеринки.) Партнер Стивена Эдди незаметно изучал сайт eBay в своем телефоне (большое количество Мортимеров всегда заставляло его бездумно тратить деньги). Банни, подружка Дэйва, решила нанести на губы очередной слой помады хотя бы только для того, чтобы не дать себе съесть еще что-нибудь. Секрет номер 376 для сидящих на диете, подумала она и, стуча каблуками, пошла по паркетному полу.

Они умели устраивать хорошие праздники, эти Мортимеры. Дни рождения, Рождество, Хэллоуин – назовите любой праздник, и у них уже наготове плейлист для танцев и битком набиты буфеты, все они наряжены и ждут веселья. Иногда вечеринки были тематическими – Голливудский гламур, к примеру, или Запретные удовольствия, – и тогда члены семьи с самым развитым воображением выдумывали невероятные костюмы и парики, а украшения подбирались за несколько недель. Обязательно были танцы. Алкоголь. Торт. Воспоминания. И лишь изредка – ссоры.

Спустя два с половиной часа после начала сегодняшнего праздника атмосфера начала накаляться. Теплый воздух расслаблял, запреты забывались. Бочонок лучшего горького уже закончился, от нескольких галлонов домашнего пива, которые привез Гарри, почти ничего не осталось, на буфете засыхали несколько сэндвичей.

Столы сдвинули к стенам зала, на сцене выступал актер, пародирующий Тома Джонса, в брюках с плиссировкой и распахнутой на груди сорочке, толпа танцующих позабыла обо всем. Все были счастливы, все наслаждались праздником, и чувство глубокого удовлетворения охватило Робин, собиравшую в пакет для мусора измазанные майонезом бумажные тарелки и ставившую в стопки пустые блюда. Ее место было здесь – в этой семье, в этом племени. Она была единственным ребенком матери-одиночки, ее Рождество всегда было тихим, каникулы она проводила в одиночестве, потому что была слишком робкой, чтобы обзавестись друзьями. Поэтому Робин до сих пор иногда хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться в том, что она в самом деле теперь часть этого шумного, живущего стаей клана Мортимеров.

– WHY, WHY, WHYYYY, De-LI-LAN!¹ – взревела толпа, а «Том» откинул голову назад, ожидая, пока допоеет хор, и держа микрофон у пухлых розовых губ. При каждом его движении медальон прыгал по его волосатой груди. Губы Робин изогнулись от удивления, когда она увидела, как Дэйв по-братски обнял Джона и Стивена и все трое принялись покачиваться на месте. Стоявший неподалеку Эдди, уступая им дорогу, округлил от удивления глаза, и Робин не могла не ощутить, до чего они с ним похожи. По ее мнению, люди делились на два типа: тех, кто готов был присоединиться к чему угодно, будь то пение хором, горячие аплодисменты под утихающую музыку или крики «Он сзади тебя!» во время пантомимы; и тех, кто был слишком застенчив и неловок, чтобы по-настоящему дать себе волю. Она, к сожалению, всегда принадлежала к лагерю стеснительных людей, была человеком, который с готовностью будет убирать со стола, только бы ее не увлекли на танцпол. Братья Мортимер, само собой разумеется, принадлежали к противоположному лагерю.

И все же так приятно было видеть, что Джон расслабился после нескольких непростых недель на работе. Летний семестр всегда был для него стрессом – экзамены трудны не только

¹ Tom Jones – Delilah.

для учащихся, – а в этом году студент его факультета покончил с собой в кампусе, и не обошлось без скандала со шпаргалками. Из-за этого Джон в последнее время плохо спал, стал рассеянным и замкнулся в себе. Он умел красноречиво выступать на вечеринках и читать прекрасные лекции по строительному делу студентам последнего курса, но не умел говорить о своих чувствах и погружался в мрачное молчание, если ситуация становилась особенно напряженной. Робин надеялась, что пока Джона не ожидают новые трудности.

Тем временем их одиннадцатилетний сын Сэм, высокий и неуклюжий, склонился над своим телефоном у стены, пока его старшие двоюродные братья где-то веселились со своими друзьями. «Иди и пообщайся с ними», – посоветовала ему мать, и он, буркнув «ага» и ссутулившись, отошел от нее. Сэм, казалось, состоявший из одних только локтей и длинных ног, судя по всему, рано столкнулся с подростковой застенчивостью и сразу опускал глаза в пол, стоило только кому-то с ним заговорить. А вот Дейзи, его девятилетняя сестра, в которой не было ни капли робости, стояла среди малышей возле стола с тортом и, бурно жестикулируя, вела какую-то игру с воздушными шарами. Робин догадывалась, что с минуты на минуту ее дочь обрушит на их головы новую информацию о насекомых – это было ее нынешнее увлечение, – которая могла быть совершенно неинтересна всем остальным. Хотя *это* ее обычно не останавливало.

– Му, му, МYYYY, De-LI-LAN! – толпа снова поддержала двойника Тома Джонса. – Why, why, WHYYYY, De-LI-LAN!

– «Почему» и есть главный вопрос, – сказала Пола, подходя к Робин с бокалом красного вина в руке. Робин иногда чувствовала себя несколько блеклой на фоне эффектной золовки с ее блестящими темными волосами, уложенными в каре с идеальной челкой, и великолепными бровями. Пола работала агентом по продаже недвижимости в центре города и всегда носила шелковые блузки, облегающие юбки и туфли на высоких каблуках, на которых Робин начала бы спотыкаться уже спустя пять минут. В этот день на Поле было темно-розовое платье с пышными оборками на талии и серебряная цепочка с подвеской в виде пера. – Почему, почему, почему мама и папа пригласили выступать этого прохвоста с оранжевым лицом? И почему он решил, что это хорошая идея – спеть песню о том, как мужчина убивает женщину, на праздновании золотой свадьбы? Не самый подходящий выбор, правда?

– Ты права, – рассмеялась Робин. – Милашкой его не назовешь.

– Хуже того, он вот-вот споет «Sex Bomb», они все начнут двигать тазом, и у одного из стариков точно начнутся проблемы со спиной. – Пола с комическим отчаянием закатила карие глаза к потолку.

– Я бы сказала, что самые высокие ставки на тетю Пен, – ответила Робин, и они обе хихикнули, глядя на ту, о ком шла речь. Тетя Пен положила одну пухлую руку на дрожащее декольте, а другую подняла вверх и подпевала. – Увидишь, она поставит кому-нибудь синяк под глазом с этими ее жестами.

Пола фыркнула, но тут ее глаза сузились: она увидела, как один из ее сыновей снимает на телефон танцующую двоюродную бабушку.

– Попался, – процедила она. – Ты смотри, маленькие мерзавцы собираются выложить это на YouTube... Эй! – крикнула Пола, торопясь к сыновьям. Ее волосы переливались в свете неоновых огней диско. – Только не это!

Робин смотрела ей вслед и улыбнулась, когда Пола схватила виновного за плечо, словно офицер полиции, производящий арест. Вернувшись к уборке, она было решила, что стоит все-таки доесть последнюю сосиску в тесте, а не обречь ее на упокоение в глубинах мусорного мешка, когда заметила новую гостью на вечеринке, которая была ей незнакома. Эта женщина остановилась у входа и осторожно оглядывала зал. Было что-то настолько знакомое в ее лице сердечком, в широко расставленных глазах и курносом носе, что Робин замерла. Должно быть,

она из друзей семьи, хотя... Робин давно знала Мортимеров и думала, что к этому времени познакомилась уже со всеми их друзьями и соседями.

Это ее воображение так разыгралось или женщина не туда попала? Вместо того чтобы устремиться вперед, сжимая в руке подарок и выискивая в зале Джини и Гарри, как все остальные гости, она оглядывалась так, будто никого не узнавала. Незваная гостья? Робин нахмурилась. Или ошиблась адресом?

Завязывая мешок с мусором, Робин с интересом наблюдала, как выражение лица незнакомки неожиданно изменилось, мышцы щек напряглись. Повернувшись, чтобы увидеть, что привлекло незнакомку, Робин поняла, что та смотрит на Гарри, занятого разговором с всегдашними боулинг-клуба. Он смеялся и выразительно жестикулировал, определенно рассказывая одну из своих любимых небылиц. Обернувшись, Робин увидела, как незнакомка быстро двинулась в его направлении, не сводя с него глаз.

По коже Робин побежали мурашки – предвестники несчастья. В детстве у нее был джек-рассел-терьер, который всегда застывал на месте и начинал лаять при приближении грозы, как будто чувствовал электрические разряды в воздухе. Она мысленно слышала его лай, предупреждавший, что ветер меняется.

Робин занервничала, наблюдая, как женщина идет через зал к Гарри. И тут она увидела, что лицо свекра застыло. Улыбка увяла. Он не отрываясь смотрел на женщину, вытаращив глаза так, словно увидел привидение. Гарри побледнел и, не закончив историю, вышел из круга друзей навстречу женщине. Они оба отошли к стене, а Джини смотрела на них, ничего не понимая. Робин не могла отвести от них взгляд, уверенная в том, что происходит нечто важное.

– Отлично! – воскликнул в этот момент «Том Джонс». – Все чувствуют себя сексуальными? Эта песня точно для вас! – Музыканты заиграли первые такты песни «Sex Bomb», вызвав радостные крики стайки тетушек, а члены вязального кружка Джини выстроились в линию, готовясь начать зажигательный танец.

– Что я тебе говорила? – со смехом спросила Пола, появляясь рядом с Робин и хватая ее за руку. – Идем, давай поразим толпу нашими движениями.

– Скорее поставим детей в неловкое положение, – ответила Робин, представляя ужас на лице сына, когда он увидит ее попытки потанцевать. Но она справилась с нежеланием, позволив золовке вывести ее на танцпол.

Через несколько минут, когда Робин снова посмотрела через зал, чтобы узнать, как там дела у Гарри и незнакомки, она увидела, что они ушли. Джини тоже не было. Возможно, это все ерунда, сказала себе Робин и выбросила ситуацию из головы.

Только это не было ерундой.

Глава вторая

Дорога обратно в Лондон выдалась кошмарной. Где-то в Нортхантсе перевернулся грузовик, и проехать можно было только по одной узкой полосе. Ближе к дому, в пригороде Лондона, одна пробка сменяла другую. У Фрэнки щипало глаза, она как будто оцепенела, переключаясь с первой скорости на вторую и обратно в бесконечной очереди автомобилей.

Когда она еще только решила съездить в Йорк, она думала о том, чтобы провести там выходные: побродить вокруг Йоркского собора, прогуляться по Шемблз², представляя, как ее мама гуляла по тем же самым улицам, молодая и беззаботная. Фрэнки даже помечтала о том, чтобы в некоем розовом будущем вернуться сюда с Крэйгом и Фергюсом, чтобы познакомить их с Гарри в попытке соединить два ее мира в одной семейной диаграмме Венна³. Но теперь это казалось невозможным. Даже сама идея была смехотворной.

Фрэнки прокручивала в голове возможные сценарии. Она опоздала, и Гарри уже умер. Ему это все неинтересно, и он попросит ее уйти. Он будет отрицать знакомство с ее матерью и отводить взгляд. Но вариант, при котором она случайно попадет прямо на празднование его золотой свадьбы, никогда не приходил ей в голову.

У Фрэнки пересохло во рту, ладони вспотели, и она стояла у входа в зал, охваченная паникой, чувствуя, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой, как будто у нее разом отняли все силы. Крэйг с самого начала предлагал ей сперва написать письмо, представиться Гарри на расстоянии, чтобы дать ему возможность переварить ситуацию. Разумеется, Фрэнки понимала, что Крэйг прав. Но он зарабатывал на жизнь писательством, и написать письмо ему было легче легкого, а вот ей... нет. Она подумала, что будет проще постучать в дверь, поздороваться с Гарри и сразу начать разговор. По крайней мере, так будет понятнее, с каким человеком имеешь дело.

И вот где она оказалась: в битком набитом, душном зале сельской ратуши, где на сцене пел двойник Тома Джонса в обтягивающих брюках, где сверкали огни диско, танцевали подвыпившие люди, а поперек зала был натянут огромный золотой транспарант с надписью «ПОЗДРАВЛЯЕМ ГАРРИ И ДЖИНИ! 5 °СЧАСТЛИВЫХ ЛЕТ!» Она ехала, чтобы найти отца, но умудрилась наткнуться на всю его семью. По множеству причин это было совершенно неподходящее место для начала разговора об отцах, дочерях и секретах, которым несколько десятков лет.

Но она же проделала весь этот путь, в смятении думала Фрэнки. И Крэйг составил рабочий график так, чтобы провести выходные с Фергюсом. Да и сама Фрэнки уже потратила достаточно на бензин и номер в бюджетном отеле, а для нее это были немалые деньги. Но какова альтернатива? Испортить праздник Гарри Мортимеру только потому, что ей не хотелось, чтобы деньги на поездку были потрачены впустую?

Разочарование придавило ее, пригвоздив к полу. Не то время, не то место. «Вот что получаешь, когда действуешь сгоряча, когда думаешь только о себе», – в отчаянии сказала себе Фрэнки. Но в ту минуту, когда она уже собралась уйти, оставив их праздновать, она заметила мужчину в толпе и мгновенно узнала его. Высокий, розовощекий, копна седых волос, смеющиеся карие глаза... Неужели это он? В самом деле он? Фрэнки импульсивно направилась через зал, не успев остановить саму себя, а потом он увидел ее, и его глаза широко распахнулись от удивления. Он двинулся ей навстречу.

² Средневековая улица в Йорке, достопримечательность города (прим. переводчика).

³ Схематичное изображение всех возможных отношений (объединение, пересечение, разность, симметрическая разность) нескольких (часто – трех) подмножеств универсального множества (прим. переводчика).

– Я... Мы встречались? – спросил Гарри хриплым, почти дрожащим голосом. На его лице появилось затравленное выражение.

Фрэнки так долго представляла себе этот момент. И вот он наступил, и она чувствовала себя так, будто в голове бушевало электричество, в горле застрял ком, слишком яркий свет бил в глаза.

– Я... Нет, мы не встречались, – честно ответила она. Фрэнки не могла отвести глаза от его лица, видя такой же нос, как у нее, такую же линию нижней челюсти. Он стоял перед ней в бежевом льняном пиджаке и блестящих кожаных ботинках, держа в руке стакан с пивом, от него исходил слабый запах одеколона с ароматом лайма. Это был он, живой человек, отвечавший примерно за половину ее генов. Фрэнки с трудом сглотнула и заставила себя договорить: – Но, думаю, вы знали мою мать.

Гарри медленно кивнул, как будто уже догадался об этом.

– Кэти, – произнес он, и его губы на мгновение сжались, на лице отразилось сильное чувство. – У тебя ее глаза. Я всегда думал...

– Она умерла, – быстро прервала его Фрэнки, чтобы сказать сразу все. – Она умерла в прошлом году. – Ее руки беспомощно повисли вдоль тела. Ей было невыносимо думать о последних днях матери в хосписе, о похоронах и о пустыне, которой стало теперь ее сердце.

– Мне очень жаль.

Повисло напряженное молчание, а потом Гарри снова заговорил.

– Кэтрин Холлоуз, – сказал он едва слышно, как будто воспоминания в его голове становились ярче. – Она просто исчезла в конце того лета. С тех пор я ничего о ней не слышал. – Гарри внимательно посмотрел на Фрэнки, вглядываясь в ее черты. – А ты...

– А я была причиной ее исчезновения, – подтвердила Фрэнки. «Объяснила очевидное», как выразился бы Крэйг. – Послушайте, – продолжала она виноватым тоном, – я понимаю, что это не лучший день для нашей встречи, поэтому...

– Все в порядке, Гарри? – Неожиданно рядом с ним появилась женщина с серебристыми, коротко подстриженными волосами, одетая в платье цвета мяты. Жестом хозяйки она положила руку на рукав его пиджака. Она быстро перевела взгляд с Фрэнки на Гарри. Воздух как будто потрескивал от подозрений.

– Поэтому это может подождать до другого раза, – быстро добавила Фрэнки, догадываясь, что это его жена, та самая Джини со сверкающего транспаранта. Вероятно, она была не в курсе того, на что был способен ее муж тридцать пять лет назад. – Не волнуйтесь об этом.

Гарри замялся.

– Я даже не знаю твоего имени, – негромко сказал он. Его глаза светились добротой и дружелюбием. – Ты мне скажешь, как тебя зовут?

– Гарри, они хотят, чтобы после этой песни мы разрезали торт, – вмешалась его жена и потянула мужа за руку. Лицо женщины напряглось и сильно порозовело, и она больше не смотрела на Фрэнки. «Неужели она догадалась?» – ахнула про себя Фрэнки.

Ей стало не по себе от чувства вины. В ее планы не входило стать причиной семейной ссоры.

– Меня зовут Фрэнки, – сообщила она, когда женщина уже тянула Гарри за собой.

Он обернулся через плечо.

– Фрэнки, – повторил он, и они снова посмотрели друг на друга. – Что ж, тогда в другой раз. Обещаю. – Жена твердой рукой повела его через зал, и на этом все закончилось.

Охваченная горячим стыдом за собственную импульсивность и неуклюжесть, Фрэнки вышла из ратуши и, опустив голову, торопливо вернулась к своей машине. Когда она застегивала ремень безопасности, руки у нее тряслись, и больше всего ей хотелось опустить голову на руль и заплакать. Только мысль о любопытной соседке, которая примется барабанить в стекло

– «С вами все в порядке, милая?» – и задавать ненужные вопросы, заставила Фрэнки повернуть ключ в замке зажигания и уехать.

Оказавшись в безопасности своего гостиничного номера, она рухнула на кровать и лежала в оцепенении, ее голова кипела и кружилась от мыслей о том, что вот-вот произошло. Она *встретилась* с ним. Она с ним *говорила*. Он *действительно* существовал. Он посмотрел на нее и узнал глаза ее матери, они признали друг друга, общая кровь им подсказала. *Кэти*, снова и снова слышала она его дрогнувший голос.

Но потом она вспомнила напряженное выражение лица его жены, которая, услышав лишь одну фразу мужа, как будто пришла к обвинительному заключению и, возможно, даже узнала правду. Фрэнки поморщилась, вспомнив, как женщина по-хозяйски вцепилась в руку мужа, как отчаянно ей хотелось увести его.

– Что ж, простите меня, Джини, – на этот раз вслух произнесла Фрэнки, когда машины опять встали в пробке. – Я никого не хотела огорчать. Но я существую. Я живой человек. И нравится вам это или нет, частично в этом виноват ваш муж.

– И вот он все-таки сказал: «Нет, слишком поздно, между нами все кончено». И она была совершенно опустошена, умоляла его, просила передумать. Но он был так зол. В его глазах сверкала ненависть, и он оттолкнул ее, чтобы уйти из дома.

– Боже, – сказала Робин, чистившая горох за столом в кухне матери.

– А потом она потеряла равновесие, упала в коридоре и ударилась головой о радиатор. И вот она лежит там и не шевелится, а по его лицу понятно, что он думает: «Черт, неужели я убил ее? Что я наделал?» И это был *конец*. Поэтому мы не узнаем, жива она или умерла, до следующей *недели!* – Элисон чистила морковь, и ее глаза блестели от возбуждения. Она была горячей поклонницей сериала «Катастрофа» и ни разу не пропустила ни одной серии. «Я никак не смогу пойти, – говорила она, иногда с недоверчивым смешком в голосе, если ее куда-то приглашали вечером в субботу. – Идет мой любимый сериал!»

Робин не стала бы возражать, вот только у мамы такое обязательное к просмотру шоу находилось каждый вечер, и это означало, что в последнее время она никуда не выходила. И, *разумеется*, Элисон не желала смотреть ничего в записи. Это совсем не одно и то же! Она была участницей форума любителей телевидения в Интернете, где они все общались друг с другом онлайн во время программы, разбирая нити сюжета, обсуждая возможное развитие событий, чтобы еще с самого начала разобраться в «детективе». Недавно Элисон попросили стать одним из модераторов форума, поэтому она чувствовала себя обязанной следить за разворачивающейся дискуссией. «Это удерживает меня от шалостей», – обычно говорила мать, но Робин уже хотелось, чтобы та проказничала *больше*, а не меньше.

– Звучит очень драматично, – прокомментировала Робин рассказ Элисон, проводя ногтем большого пальца по стручку гороха и глядя на детей через открытую заднюю дверь. Сэм молча, не шевелясь, лежал в гамаке, а Дейзи сосредоточилась на том, чтобы построить в сарае препятствие на пути мокриц. День был облачным, изредка налетавший бриз приносил из сада аромат пышных белых гардений и лилий, вокруг которых кружились пчелы, напоминая, что на дворе середина лета. В этом доме из красного кирпича в Харрогите Робин провела вторую половину своего детства после большого переезда. Закрыв глаза, она легко представляла себя пятнадцатилетней, делавшей уроки за этим самым столом и рассеянно подпевавшей Радио 1, звучащему фоном.

Горошина выскользнула у нее из пальцев, упала на пол, и Робин нагнулась, чтобы поднять ее, в ту самую секунду, когда мать спросила:

– Значит, у Джона все в порядке, если не считать того, что его вызвали на эту таинственную семейную встречу? В чем там дело, кстати?

Хороший вопрос.

– Точно не знаю, – ответила Робин. Сначала позвонил Гарри. Он потребовал, чтобы Джон присоединился к остальным Мортимерам у них с Джини дома. Все должны были собраться на «военный совет». Робин ошеломила настойчивость в голосе свекра. Она надеялась, что все в порядке. – Вероятно, это как-то связано с вечеринкой, но я не понимаю, что может быть такого важного, – продолжала она. – Ведь Гарри и Джини сегодня днем отправляются в свое второе свадебное путешествие. Прости, – добавила она, посмотрев на мать, надеясь, что та не обиделась из-за отсутствия Джона. – Надеюсь, он к нам присоединится, если они быстро со всем разберутся. Иначе...

Элисон махнула рукой, показывая, что это разочарование она переживет.

– А как прошел праздник? Хорошо? – спросила она. Ее, конечно же, пригласили, но Робин пришлось, как всегда, извиниться за ее отсутствие. («С твоей мамой все в порядке? – с тревогой спросила Джини. – Она никогда не приходит на наши семейные сборища. Я не видела ее... должно быть, уже года два!»)

– Ну, – начала Робин, стараясь скрыть свое раздражение, охватившее ее при воспоминании о том, как неловко она себя чувствовала в тот момент, – ты бы и сама могла посмотреть, если бы не была так занята просмотром телепередач. Знаешь, – Робин замялась, пытаясь подобрать правильные слова, – я думаю, Джини немного обижена, что ты не пришла, мама.

– Обижена? Брось. У нее было так много гостей, что она бы про меня и не вспомнила. Вероятно, она была только рада, что одним ртом меньше, – ответила Элисон. В раздражении она чистила морковь быстрее обычного. – Я очень счастлива за них, счастлива, что они прожили вместе пятьдесят лет. Я за них рада, но я не понимаю, зачем мне было тащиться по автострате до какой-то сельской ратуши, чтобы это сказать. Ради бокала теплого вина в компании множества людей, с которыми я даже незнакома? – Элисон повысила голос.

– Ладно, ладно, – примирительно сказала Робин. – Я только хотела...

– Это твой отец любил ходить по вечеринкам, а не я, – Элисон уже настроилась давать отпор. – И потом, у меня вчера утром была свадьба: начало в семь тридцать утра, я едва успела выпить чашку кофе и пробыла там почти до двух часов дня. После этого мне хотелось только вытянуть ноги и перевести дух. В этом ты мне точно не можешь отказать.

– Я тебя не критикую, – попыталась оправдаться Робин, хотя мысленно еще как критиковала мать. Она принялась вскрывать очередной стручок, и в кухне на минуту стало тихо. – Я такого за папой не припоминаю. Что он любил ходить по вечеринкам, – робко добавила она. Ее мать редко вспоминала Рича, отца Робин, который неожиданно умер от сердечного приступа, когда Робин было всего восемь лет. Она была младше, чем сейчас Дейзи. Вот только что отец был рядом, а на следующее утро Робин проснулась и увидела мать, оцепеневшую от горя, и бабушку, собиравшую чистые вещи Робин в сумку и заявлявшую, что внучка отправляется с ней в путешествие на несколько дней. Отцу было всего тридцать пять – такой молодой, – и много лет Робин не могла отделаться от мысли, что ее ждет такая же судьба. «С моим сердцем все в порядке?» – этот вопрос она всегда с тревогой задавала врачу, боясь, что история повторится.

– Ну, в ранней молодости он таким был, – расплывчато ответила Элисон. Ее глаза затуманились. – Но все же...

Робин хотелось расспросить мать. Она отчаянно жаждала больше информации об отце, которая смогла бы оживить ее собственные скудные воспоминания. Но она почувствовала, что мама хочет сменить тему, как всегда в тех случаях, когда разговор заходил о нем.

– Как у тебя самой дела? – поинтересовалась Робин. – Какие новости?

Элисон работала парикмахером, ездила от одной клиентки к другой на своей пастельно-голубой «Хонде Джаз», и ее умение слушать и сопереживать было таким же важным, как и владение ножницами и расческой. Просто поразительно, в чем только ей не признавались клиентки, пока она их стригла, не раз говорила сама Элисон. Возможно, пережитая ею самой тра-

гедия научила ее слушать. Или все дело было в присущих ей доброте и нежелании критиковать. Какими бы ни были причины, но Элисон знала *все*, что можно было узнать. Когда случалась какая-нибудь история, Элисон разнюхивала ее первой. В другой жизни она могла бы стать журналистом, вела бы расследования, выискивая одну сочную новость за другой.

Робин продолжала чистить горох, пока ее мама рассказывала о ссоре между соседями из-за гигантского купрессоципариса Лейланда, бросавшего тень на весь сад; о планах Риты Дейли устроить вечеринку в «Мосте» в честь выхода на пенсию; о том, что очередной ребенок Джози Симпсон родился на куче чайных полотенец в кухне, а местный курьер, Анил Сингх, упал в обморок, когда заглянул в окно и увидел, из-за чего все эти крики.

– Представляешь, рухнул прямо перед входной дверью! – Элисон хихикнула, наслаждаясь историей. – Он еще и шутил над этим, дурачок!

Робин тоже рассмеялась, но вдруг ее пронзило внезапное воспоминание о том, как она бежала и прижималась к ногам отца, когда он приходил домой с работы, и золотое вечернее солнце освещало его, стоявшего в дверях. А потом его сильные руки поднимали ее высоко в воздух. «Папочка, мой папочка!» – кричала она тогда. «Робин, моя Робин!» – отвечал он ей со смехом.

В возрасте Робин – чуть за сорок – детские воспоминания становятся намного более смутными. Правда ли такое было или ее воображение рисовало сцены, которых никогда не было, чтобы облегчить ее тоску по отцу? Вскоре после его смерти они переехали из их старого дома в Вулвергемптоне в Йоркшир, но Робин все еще помнила моменты той жизни. К примеру, она помнила, как лежала на коричневом коврике в гостиной и как трудно было поставить на его неровной поверхности игрушечных человечков. Выпуклый стеклянный ромб на входной двери искажал лица. Робин помнила, как расплакалась, когда ее дед заглянул в это стекло, потому что его лицо выглядело ужасным. В камине лежал фальшивый уголь, и она удивлялась, как Санта-Клаус смог спуститься по трубе, потому что камин выглядел совсем не так, как в книжках.

Тем временем Элисон продолжала рассказ о неожиданных родах.

– Но все прошло хорошо. Родилась девочка, семь фунтов десять унций⁴, – сказала она, резким движением смахивая морковные очистки в ведро из-под маргарина, чтобы потом накормить ими соседских морских свинок. – Малышку назвали Талулой. Очень мило. – Элисон принялась резать чищеную морковь, быстро и аккуратно, и круглые влажные кусочки напоминали монеты.

– Та-дам! – раздался в этот момент торжествующий возглас с улицы. Они выглянули из кухни и увидели Дейзи с пыльными коленками и полоской грязи на щеке. Она с сияющей улыбкой стояла возле только что возведенного домика для мокриц. – Он им нравится! – воскликнула девочка. – Идите сюда, посмотрите!

Элисон немедленно вышла из дома и принялась громко радоваться сообразительности внучки, смеясь над тем, что бледно-серые мокрицы проявили невиданный интерес и теперь двигались по дорожкам из прутиков, сооруженных специально для них.

– Боже мой, и все это ты сделала сама? – воскликнула Элисон, и Робин улыбнулась, увидев, какой довольной выглядела Дейзи. Ее густые рыжие волосы падали ей на лицо, когда она сообщала бабушке новые факты.

– Бабушка, ты знала, что у мокриц скелет снаружи? Это называется экзоскелет. Мокрицы относятся к подотряду ракообразных из отряда равноногих, – объяснила Дейзи, немного запинаясь на длинных словах, – а еще...

– Они очень, очень скучные, – раздался из гамака голос ее брата. – Почти такие же скучные, как ты.

⁴ Примерно 3 кг 200 г (прим. переводчика).

– Они не скучные! Бабушка, скажи ему!

Робин чистила горох, пока ее мать разбиралась с детьми. Несмотря на свои слова, отчасти она была рада, что Элисон не пошла на вечеринку, и не в последнюю очередь оттого, что Джон сильно напился. Робин с трудом дотащила его до такси. Этим утром лицо у него было бледное и помятое, как старый бумажный пакет, и он выглядел очень подавленным. Похмелье ли было причиной его молчания? Или он что-то обдумывал? Робин определенно нужно было улучшить момент и поговорить с ним, докопаться до того, что у него на уме.

– Больше всего мне в моих детях нравится то, что они все такие разные, – однажды призналась ей Джини. – Джон – амбициозный. Пола – верная. Дэвид всегда всем доволен. Что же касается Стивена, он был ребенком-сюрпризом и с тех пор не перестает меня удивлять!

В тот момент Робин понравилось, что ее мужа называли амбициозным. Но Джон был не только амбициозным, но и беспокойным, поняла Робин. Недовольство статусом-кво заставляет человека идти вперед, бесконечно пытаться достичь большего. Не лучше ли быть всегда довольным, как Дэвид? Просто наслаждаться тем, что у тебя есть?

– МАМА! Я же просила, подойди и посмотри на *домик!* – крикнула Дейзи, и Робин моргнула, отгоняя тревоги, а потом послушно вышла на солнце.

Все построили дома, подумала Робин, садясь на корточки, чтобы восхититься усилиями дочки. Настоящие, или воображаемые, или для мокриц, все так много трудились, чтобы создать и построить, сделать окна и двери, чтобы назвать место домом, как будто этого было достаточно, чтобы отгородиться от всего плохого. Мысли Робин вернулись к их собственному теплему, комфортному дому в тихом тупике, доме, где в шкафах стоял фарфор, а в ванной – зубные щетки, где диваны были продавлены прыгавшими на них детьми. Это была жизнь, которую они вместе с Джоном создавали для своей семьи, вещь за вещь, год за годом, воспоминание за воспоминанием. Она подумала о том, что муж стал в последнее время часто задерживаться по вечерам. Она надеялась, что их уютному маленькому миру не угрожает катастрофа. Ведь так?

Глава третья

Пола Brent умела всегда и во всем видеть хорошее. На работе она не моргнув глазом называла маленькую сырую дыру «выгодным вложением». Будучи матерью двух мальчиков-подростков, она научилась находить положительное там, где другие его не видели. Когда Полу вызвали в школу, потому что ее старший сын испортил стену граффити, она ответила: «По крайней мере, он знает, как пишется слово “вагина”». И, помоги ей бог, она семнадцать лет была замужем за Мэттом Brentом и все еще находила забавными письма, адресованные «Мистеру и миссис Brent». Но в этот день, в гостиной родительского дома, в той самой комнате, где она в детстве смотрела мультфильмы, лежа на диване, и где в дальнем углу каждый год ставили рождественскую елку, она понимала – все, что казалось ей простым и ясным, теперь разрушено. Оказалось, что в некоторых ситуациях увидеть что-нибудь хорошее попросту невозможно.

– Увы, я должен вам всем признаться, что в прошлом у меня был роман на стороне. – Таким гамбитом открыл игру ее отец, и эти слова вонзились в ее мозг, словно шрапнель. Поле пришлось вцепиться в подлокотник дивана, потому что ей показалось, что пол уходит у нее из-под ног, как на борту корабля, терпящего крушение. Подождите – *что?* Папа изменил маме? Папа, самый добрый мужчина в мире, так поступил с их доброй красивой мамой? Нет. *Это невозможно.*

Должно быть, это что-то вроде розыгрыша, сказала себе Пола, одна из его идиотских шуток. Потому что ее родители должны были в этот день отправиться на Мадейру, где их ждал второй медовый месяц, ради всего святого! Они так предвкушали неделю на острове, солнце и херес, и новые купальные костюмы уже лежали в чемодане. Отец так шутит, верно?

Но когда Пола повернулась к матери, чтобы получить подтверждение, по ее спине побежали мурашки. У Джини дрожали губы, как будто ей хотелось плакать. Глаза были красными, вокруг них залегли темные круги. Тело матери напряглось, она крепко обхватила себя руками за талию, как будто боясь рассыпаться на кусочки. Даже такая оптимистка, как Пола, должна была признать, что ничего хорошего это не обещало.

Ее братья казались такими же ошеломленными, как и она сама.

– В самом деле? – изумленно спросил Стивен, но их отец еще не договорил. Было кое-что еще. И это было еще *хуже*.

– И вчера я узнал... – Гарри посмотрел на свои руки, на мгновение сжал их на коленях и взорвал вторую гранату: – Что у меня есть дочь. Ваша сводная сестра.

– Какого чер... – Джон вскочил с места и, вытаращив глаза, повернулся к Джини, в отчаянии ожидая, что хотя бы один из родителей начнет говорить разумно. – Мама, это правда? Нет ведь?

Джини крепко сжала губы, и Пола почувствовала, как ее сердце разрывается при виде боли на лице матери.

– Это правда, – подтвердила Джини, ее подбородок задрожал.

– Ох, мама... – Пола обняла ее, будто пытаясь защитить от удара. Джини никогда не показывала свои чувства. Она много лет проработала учителем музыки и справлялась с плохим настроением или разочарованием, играя что-нибудь громкое, рвала струны, пока не чувствовала себя лучше. «Прелюдия до-диез минор» Рахманинова для раздражения средней степени. «Революционный этюд Шопена» в тех редких случаях, когда она сердилась по-настоящему. А теперь она была настолько опустошена, что едва ли смогла бы сыграть хотя бы одну ноту.

– Послушайте, мне очень жаль, поверьте, – продолжал Гарри, и выглядел он совершенно несчастным. – Простите меня. Но до вчерашнего дня я понятия не имел, что эта девушка – вернее, эта женщина – существует.

– И кто же она? – выпалила Пола, поворачиваясь к нему. – И почему она явилась сейчас? Именно на вашу золотую свадьбу?

– Она пришла на праздник, – прерывающимся голосом сказала Джини.

– На *праздник*? Ты что, пригласил ее, папа? – Даже в голосе Дэйва, самого мягкого и спокойного из всех детей Мортимеров, звучало недоверие.

– Нет! Судя по всему, она сначала приехала сюда, а Линн сказала ей, что мы в ратуше... – Гарри нервничал, вертелся на стуле, и ему явно хотелось оказаться подальше от всего этого. – Все произошло совершенно неожиданно. Думаю, ей было весьма не по себе...

Стивен фыркнул:

– Ну не настолько не по себе, если она все-таки появилась. На празднике в честь вашей золотой свадьбы. Боже!

Пола промолчала, приходя в себя после второй волны шока, накрывшей ее, когда она осознала реальность. Папа с другой женщиной. У папы другой ребенок. Семья Мортимер раньше всегда казалась ей нерушимой, такой крепкой, такой прочной. Ее родители всегда были для нее лучшей рекламой счастливого брака! Это как снова узнать, что Санта-Клауса не существует, только хуже, в миллион раз хуже.

– Время было неподходящее. Она понятия не имела... – говорил ее отец слабым, виноватым, таким непохожим на его привычный, жизнерадостный и уверенный голос.

Поле было плевать на неудачно выбранное время и на то, о чем думала та женщина. Сейчас она видела только мать, сломленную, несчастную. Пола была не в силах смотреть на отца, так она была ошарашена.

– Черт! – Джон покачал головой. Джини даже не сделала ему замечание, чтобы он не чертыхался, и это доказывало, насколько все плохо. – Она хочет денег или чего-то еще? Зачем она приехала?

– А что, если она лжет? – предположил Стивен, в его голосе звучало подозрение. Он был самым младшим из детей Мортимеров и теперь работал в адвокатской конторе рядом с Королевским театром. Все детство ему доставалось от старших детей, поэтому из него вышел замечательный адвокат для тех, с кем обошлись несправедливо.

– Не думаю, что она приехала из-за денег, – ответил Гарри. – По крайней мере, она об этом не упомянула. И она не лжет. Едва взглянув на нее, я понял, что она... что она моя. Прости меня, любимая, – добавил он, когда Джини обиженно шмыгнула носом и высморкалась. – Да и зачем ей лгать? Зачем кому-то такое придумывать? – Гарри вздохнул. – Все это было как гром среди ясного неба.

– И это говоришь *ты*? – резко сказала Пола. В ней бушевал гнев. До этого момента она никогда не могла сказать ничего плохого о своем отце. Вся жизнь он был ее героем, забирал ее из ночных клубов, когда последний автобус уже ушел; он вел ее к алтарю в день свадьбы, отвез в родильное отделение, когда у нее раньше времени начались роды, а Мэтт работал в окрестностях Лидса. Как единственная дочь, она всегда чувствовала себя такой особенной, такой любимой, сокровищем для своего отца. Но теперь, как оказалось, у нее была соперница. Неожиданно она оказалась вовсе не такой особенной, как ей представлялось.

– Но даже если ей *действительно* нужны деньги, – снова заговорил Гарри, неожиданно расхрабрившись, – то я ей их дам, если она меня об этом попросит. – Он обвел взглядом свою семью, готовый к их возражениям. – Потому что итог таков: я ее *отец*, и нам всем придется привыкнуть к этому факту. Я понимаю, вам это неприятно, но такова ситуация. Я уже попросил прощения у вашей матери, я попросил прощения у каждого из вас четверых. Не знаю, что еще вы хотите от меня услышать. – Он откашлялся. – Кстати, ее зовут Фрэнки. И это все, что я о ней знаю, если не считать того, что ей примерно тридцать четыре года.

Примерно тридцать четыре. Несколько секунд все молчали, и Пола догадалась, что все подсчитывают в уме. Стивену тридцать восемь. Неужели их отец действительно ока-

зался настолько мелким человеком, что завел роман, пока его жена, как могла, справлялась с четырьмя детьми, старшему из которых не исполнилось еще и десяти? Самой Поле было в то время около семи. Семь лет, и все, что ее интересовало, – лошади и собаки, гимнастический клуб и печенье брауни. Она почувствовала во рту вкус желчи при мысли о том, что отец развлекался у них за спиной. Получал удовольствие на стороне, потом возвращался домой, чтобы вновь играть в хорошего папочку и читать им перед сном истории о приключениях. Отвратительно. Мерзко. Немыслимо!

– Ну, для всех нас это своего рода шок, – подал голос Дэйв, бывший миротворец, пока остальные в ужасе молчали. – Да и для тебя, папа, тоже, если ты понятия не имел об этой... об этой Фрэнки. – Он произнес это имя так, словно оно странно ощущалось у него на языке, словно он боялся, что при упоминании об этой женщине она вновь появится перед ними. – Но вы же все равно едете в отпуск, так? – продолжал Дэйв, обращаясь к родителям. – Возможно, вам нужно уехать от всего этого, побыть одним.

Что? И запрятать всю эту печальную историю под ковер, как будто ничего не было? Пола не верила своим ушам. Как это могло сработать? Если бы они с Мэттом оказались в подобной ситуации, отпуск был бы в ее мыслях на последнем месте. Она бы скорее испытывала желание сбросить его с ближайшего утеса.

Братья, судя по всему, были другого мнения.

– Да, надо ехать, – сказал Джон тоном, призывавшим взять себя в руки и сохранять спокойствие.

– Немного солнца, возможность поговорить... – ободряюще добавил Стивен.

Пола сжала руку матери, не желая оскорблять ее, присоединившись к братьям.

– И... что ты решил, папа? – спросила она, когда повисло напряженное молчание. – То есть я хочу спросить – мы с ней познакомимся, верно? – Задавая этот вопрос, она содрогнулась. Выросшая среди мальчишек, Пола всегда мечтала о сестре, чтобы делиться с ней секретами и строить заговоры, но не о такой сестре, которая свалилась им как снег на голову. – Она... местная? – добавила Пола, не до конца уверенная в том, какой именно ответ хочет услышать.

Гарри неловко пожал плечами.

– Все произошло так быстро, что мы едва успели сказать друг другу «привет». Боюсь, я понятия не имею, где она живет, – признался он.

Глаза Джини вдруг превратились в буравчики.

– Нам нужно было резать торт, – сказала она, и ее голос стал опасно тонким. Мама была не просто возмущена, с тревогой осознала Пола. Внутри у Джини все кипело от гнева и унижения.

– Но ты же взял у нее номер телефона, папа? – спросил Джон. – Какие-то другие контакты?

Гарри с сожалением покачал головой.

– Она ушла прежде, чем я успел спросить ее, – признался он. – Я даже не знаю ее фамилии. Нам остается только надеяться, что она со мной свяжется. Иначе... – Он развел руками. – Иначе мы можем никогда больше ее не увидеть.

– Вот и хорошо, потому что я не хочу, чтобы ты снова с ней встретился, – неожиданно сказала Джини, и все повернулись к ней. Мать немного выпрямилась, сидела почти царственно, и ее подбородок был яростно вскинут. – Ты слышишь меня? Я больше не хочу слышать даже ее *имени* в этом доме. Либо она, либо я, Гарри Мортимер. Ты понял? Она или я.

Глава четвертая

Фрэнки жила в Западном Лондоне в квартире на четвертом этаже, и лифт, как это часто случалось, когда она была особенно уставшей, опять не работал. К тому времени, когда Фрэнки поднялась по лестнице с сумкой, в которой лежало все необходимое для поездки на выходные, на лбу у нее выступил пот, тяжелые, липкие волосы жгли шею. Воздух был влажным, облака зловеще нависли над городом, и чувствовалось, что гроза на горизонте готовится к большому эффектному выходу.

– Привет! – крикнула она, с трудом войдя в квартиру и бросая сумку на пол у ног. До нее донесся взволнованный голос Фергюса, за ним отозвался Крэйг:

– Привет!

Он звонил накануне вечером, но ей не хотелось обсуждать по телефону неловкое воссоединение с отцом. Поэтому она переключила телефон на голосовую почту и отправила сообщение: *«Валюсь с ног! Завтра тебе все расскажу»*.

– Мамуля! – завопил Фергюс, выбегая из гостиной и бросаясь к ней. Он обхватил руками ее ноги, прижался к ней. Фрэнки опустила руку, погладила его кудрявую голову, успокоенная его присутствием. Фергюсу было четыре года, и это было маленькое толстенькое существо, которое ужасно хотелось потискать, с копной черных кудрявых волос вокруг сияющего пухлощекого личика.

– Осторожно, ты меня уронишь! – со смехом воскликнула Фрэнки и едва не потеряла равновесие, наклонившись, чтобы обнять его. Ее дорогой маленький мальчик с шаловливым, воркующим смехом и ручонками, которые теперь крепко обнимали ее за шею, – вот кто был ей сейчас нужнее всех. – Я скучала по тебе, – сказала она ему, прижимаясь к нему носом.

– Сильно? Очень сильно?

– Очень, очень сильно. Так сильно, что даже и представить нельзя!

Явно довольный таким ответом, малыш поцеловал мать в щеку, вывернулся из ее рук и побежал обратно по коридору.

– Папочка! Это мамуля, – радостно сообщил он выходящему из комнаты Крэйгу.

– Добро пожаловать домой. – Крэйг вглядывался в лицо Фрэнки, пытаясь понять ее настроение. – Ты в порядке? Как все прошло?

Он поцеловал ее, и она прижалась к нему. Они были вместе три года. Крэйг был добрым, хорошим и надежным. Он был именно таким, каким следует быть любимому человеку.

– Я в порядке, – ответила Фрэнки. Это, по крайней мере, было правдой. Она была жива, дышала и не рассыпалась на части. Потом она вздохнула, потому что Крэйг ждал продолжения истории, а ей было больно ее рассказывать. – Все прошло не совсем так, как я надеялась, – в конце концов призналась она.

– Ох! – Крэйг погладил ее по волосам точно так же, как она гладила Фергюса.

– Мне кажется, я все испортила. Ты был прав, мне не следовало ехать туда без предупреждения. Оказалось, что я выбрала самое неудачное время. – В горле набух ком. Крэйг всегда был готов принять ее сторону, но трудно было признаться кому-то еще, что тебя отвергли. Что ты выставила себя душой.

– Я собрал ПОЕЗДА, мамуля. Я собрал ПОЕЗДА! – К ним вернулся Фергюс, торжествующе схватил ее за руку, пытаясь потащить за собой в маленькую гостиную, которая в любой момент времени воспринималась на восемьдесят процентов как место сборки поездов.

– Круто! – воскликнула Фрэнки, позволяя сыну отвести ее в гостиную и продемонстрировать его последнее достижение. Фергюс обожал поезда. А еще динозавров, астронавтов, животных из зоопарка, мусоровозы, белок и водяные пистолеты. Но все же поезда возглавляли этот список.

– Потом мне все расскажешь, – сказал Крэйг, и Фрэнки кивнула. – Послушай... – Он замялся. И Фрэнки повернулась к нему. – Теперь, когда ты вернулась, ты не будешь возражать, если я возьмусь за работу, чтобы наверстать? Мне нужен час или около того. А потом я приготовлю нам что-нибудь поесть. Ты не против?

– Нет, все в порядке, – сказала Фрэнки, потому что она слишком устала, чтобы заниматься чем-то еще. И мысль о том, чтобы играть в поезда, строить мосты и станции, изображать ужас, когда Фергюс с энтузиазмом разыгрывает аварию, казалась по-настоящему успокаивающей. Что угодно, только бы отвлечься. И потом, так всегда и бывает, если в семье два самозанятых человека и один непоседливый ребенок. Час тут, двадцать минут там, чтобы все было сделано.

Крэйг был журналистом. Фрэнки прочитала о них с Фергюсом в колонке Крэйга «Папа дома» в воскресной газете еще до того, как познакомилась с ними. Крэйг начал вести беззаботную и невероятно трогательную колонку, чтобы подробно рассказать о взлетах и падениях в жизни одинокого отца и о тех испытаниях, которые выпадали на его долю. У Фергюса было не самое легкое начало жизни. Он родился с заячьей губой и первые несколько месяцев страдал от инфекции уха. У него были проблемы с кормлением, он практически не вылезал из больниц: то операция, то консультации. Понятно, что все это стало неожиданной и неприятной новостью для Крэйга и его тогдашней партнерши Джулии. У нее началась депрессия, она винила себя в проблемах Фергюса и не чувствовала связи с ребенком. Несмотря на все попытки Крэйга вести нормальную жизнь, Джулия сбежала, когда Фергюсу было всего шесть недель. Она оставила записку, что не справляется и поэтому уходит.

Крэйг остался один, недосыпающий, снedaемый тревогами о будущем сына. Он с трудом преодолел первые несколько месяцев: операция, неприятности, проблемы, но вместе с тем и радость. Сначала Крэйг описывал все это, чтобы справиться со своими сложными эмоциями. А потом предложил редактору идею еженедельной колонки, и тот его поддержал. По чистой случайности, Фрэнки, иллюстратору-фрилансеру, предложили оформлять его страницу, и так начались их отношения. Поначалу это были просто два человека, выполняющие свою работу – один писал текст, другая рисовала картинки. Но Фрэнки, как и миллионы других женщин по всей стране, быстро влюбилась в веселого, талантливого, замечательного Крэйга, так преданного своему сыну. Она с нетерпением ждала нового задания и подбадривала Крэйга, иллюстрируя каждую статью. Они встретились на рождественской вечеринке в газете и в пьяной искренности одновременно воскликнули: «Мне нравится твоя работа!» Потом они оказались в баре по соседству, где пили виски и рассказывали друг другу истории своей жизни. Спустя полгода Фрэнки переехала к Крэйгу, а когда Фергюс заговорил, он начал называть ее «мамуля», и они его не остановили. Учитывая все обстоятельства, это был счастливейший конец.

И ей этого достаточно, подумала Фрэнки, усаживаясь на ковер и слушая Фергюса, который принялся рассказывать ей о том, какую сложную дорогу построил, и выбирал, какой поезд она может взять (разумеется, самый плохой, со сломанными колесами). «Забудь о Гарри Мортимере и его изумленном лице, забудь о его жене с глазами-кинжалами, к чертям их всех», – с яростью сказала себе Фрэнки. Маленькой любящей семьи вполне достаточно. Это очень *много*.

А в Йоркшире все Мортимеры пытались справиться с шоком, который произвело признание Гарри. Стивен вез родителей в аэропорт. В машине стояла леденящая тишина, несмотря на его титанические усилия завязать разговор. Отец, сидевший рядом на пассажирском сиденье, казался ему незнакомцем. Как он мог так поступить с мамой?

Пола тем временем чистила картошку на ужин, и ее голова кружилась. У нее есть сестра. Эта мысль не оставляла ее. Сводная сестра, существовавшая все это время, сестра, о которой никто в семье не знал. Как сложилась ее жизнь? Может быть, она росла, ощущая непроходящее чувство обиды на отца? И как она *выглядит*? Пальцы Пола задрожали, и мокрая картофелина

выскользнула у нее из руки и упала на пол. Оскар, ее длинношерстная такса, мгновенно бросился за добычей.

– Нет! – сурово сказала собаке Пола, но ее голос дрогнул. Она опустилась на колени на линолеум и внезапно расплакалась. Ну почему все так ужасно? Ей хотелось, чтобы ничего этого не было, чтобы отец ничего не говорил, чтобы жизнь снова стала такой, какой она была еще день назад. – Ох, Оскар! – прорыдала она, когда пес потерял интерес к картошке и ткнулся носом ей в руку, выражая свое собачье сочувствие. – Что мы будем делать?

На другом конце города Дэйв смотрел в пространство. Мыслями он явно был далеко и время от времени озадаченно проводил рукой по волосам.

– Не могу поверить, – бормотал он. – Я просто не могу в это поверить.

Банни знала, как выглядит человек, получивший травму. Она отвела его на диван, включила радио – успокаивающее бормотание комментатора крикетного матча на минимальной громкости – и принесла Дэйву пива.

– Не волнуйся, – продолжала она повторять своим самым спокойным голосом. – Все с этим справятся. Все само собой образуется.

Джон тоже пытался свыкнуться с ситуацией. Как только Робин и дети вернулись от его тещи, он кратко пересказал жене всю историю. Но когда она начала задавать вопросы, он замкнулся и сказал, что больше не хочет об этом говорить. Его телефон все время звонил, но Джон переключил звонки на голосовую почту. Расшифровать выражение его лица было невозможно. Казалось, в доме поселился раненый лев. Он рывкал на детей, ссорившихся друг с другом, рычал при любой попытке завести разговор о пустяках. Робин не удержалась от вздоха облегчения, когда муж наконец отправился на долгую пробежку.

Но, как только он ушел, Робин поняла, насколько она сама шокирована и расстроена этой драмой. Гарри и Джини были главным двигателем машины Мортимеров, они были крепкими и надежными, давали силы всем остальным. Теперь, когда их отношения испортились, как это скажется на всей остальной семье?

В аэропорту, попрощавшись со Стивеном и поблагодарив его за то, что он их довез – он был по-настоящему отличным парнем, – Джини покатила свой чемодан к стойке регистрации, не оглянувшись назад. В ее голове звучала драматическая музыка, зловещее крещендо нарастало, пока она принимала решение.

– К сожалению, мои планы изменились, – объявила Джини сотруднику за стойкой регистрации, показывая ему билет. – Мой муж не может со мной лететь.

Гарри ахнул.

– Я? Джини! – изумленно воскликнул он.

Сотрудник авиакомпании перевел взгляд с Джини на ее мужа.

– Гм...

– Да, так неудачно получилось, – продолжала Джини. – Сейчас он вернется домой и подумает о том, что он сделал. А я полечу в отпуск одна. – Гарри открыл было рот, но жена с неожиданной яростью добавила, тыча в него пальцем: – Не смей говорить ни слова. Ни единого *слова*.

Сотрудник за стойкой снова перевел взгляд с Джини на Гарри, на его лице читалось явное непонимание.

– Ладно, – сказал он после долгого молчания. – То есть я регистрирую на рейс только одного пассажира, так?

– Да, все верно, только вот этого. – Джини передала ему свой паспорт, потом повернулась к мужу. – Увидимся через неделю, – холодно сказала она. – Если я решу вернуться.

– Джини, – запротестовал Гарри. – Прошу тебя. Нам нужно поговорить. Это же наш второй медовый месяц!

Жена взглядом заставила его замолчать.

– Это больше не наш второй медовый месяц, – сказала она ему. – Теперь это мой отпуск. И если ты хочешь, чтобы я тебя когда-нибудь простила, то ты сейчас отправишься домой и позволишь мне успеть на рейс. Без тебя. Потому что ты мне не нужен.

Глаза регистратора стали круглыми. Он встревоженно посмотрел на Гарри, явно не зная, что сказать. Несколько секунд прошли в молчании.

– Гм... Могу я попросить вас поставить ваш чемодан на весы? – робко обратился он к Джини.

– Без проблем, – ответила она, и Гарри сделал шаг вперед, чтобы помочь ей. Она отмахнулась от него, как от надоедливой мухи. – Я сама справлюсь, спасибо. Пожалуйста, уходи. Увидимся через неделю.

Гарри и сотрудник авиакомпании переглянулись. Молодой человек боязливо пожал плечами, как будто говоря: «Не стоит с ней спорить, приятель». Гарри закусил губу, стараясь не думать о бассейне отеля с бирюзовой водой, которым они любовались в брошюре; о синих плавках, которые он купил специально для поездки; о новом триллере, который он собирался читать в самолете. Но Гарри умел признавать поражение. Он увидел решительный разворот плеч жены, этот ее взгляд, говоривший: «Только попробуй», – вспомнил, как она ткнула в него пальцем. Игра окончена, как сказали бы его внуки.

Он сглотнул.

– Ты уверена, что справишься одна? – спросил Гарри негромко, пока парень за стойкой отправлял чемодан Джини на ленту транспортера.

Джини фыркнула.

– Он еще спрашивает, справлюсь ли я одна. Что ж, давай на это надеяться. Пожалуй, мне стоит к этому привыкать. – Она сердито отвернулась от Гарри и переключила свое внимание на ошеломленного сотрудника за стойкой, награждая его самой очаровательной улыбкой. – Вы мне очень помогли, дорогой. Благодарю вас.

– Был рад помочь. Наслаждайтесь полетом, – ответил он, в последний раз метнув встревоженный взгляд на Гарри.

– Так и сделаю, – сказала Джини и ушла, не оглянувшись на мужа. В ее голове зазвучал мощный финал увертюры «1812 год», с пушками и всем прочим, пока она шагала к указателю «Вылет».

Гарри остался стоять, ошеломленно глядя ей вслед, пока люди, стоявшие в очереди на регистрацию, не произнесли вежливое «извините» у него за спиной. Ему пришлось отойти. Колесики его чемодана жалобно скрипели, пока он шел в противоположном направлении. Когда Гарри вышел из здания аэропорта, ему в голову пришла мысль, и он сунул руку в карман за телефоном.

– Стивен? Ты еще не уехал, верно? – спросил он, услышав голос сына в трубке. В аэропорту вокруг него все бурлило. Множество деловых, смеющихся людей толкали тележки и возбужденно переговаривались. А он стоял среди толпы, сгорбленная, одинокая фигура с чемоданом в руке. Он никуда не летел. – Понимаешь, планы слегка изменились.

Глава пятая

Жара как будто давила на Робин, когда она в понедельник днем торопливо шла по тротуару к зданию школы, в которой учились Сэм и Дейзи. «Снова выдался ужасный день на работе», – сердито думала она, глядя на свои часы и надеясь, что не опаздывает. Предполагалось, что она заканчивает работу в два часа дня. Теоретически у нее было достаточно времени, чтобы доехать до дома, выпить чашку чая, а потом пешком дойти до школы, чтобы встретить детей. Но, как обычно, ее задержали дополнительные задания.

Раньше Робин работала в университете, как и Джон, читала лекции на факультете биохимии, но в последнее время она была скорее девочкой на побегушках. («Робин? Когда-то она высоко метила, – услышала она однажды обращенные к очередному бойфренду слова тети Пен, полагавшей, что невестка ее не слышит. – Но теперь... Честно говоря, я не знаю, чем она занимается. Пылесосит? Кексы печет?») Вся домашняя работа плюс три раза в неделю работа лаборанта в средней школе на другом конце города – таким стал удел Робин. Разумеется, это была не самая подходящая работа для человека с ее образованием, но зато отлично подходил график, и эта работа, по крайней мере, позволяла ей выбираться из дома куда-то кроме супермаркета. Только время от времени, вот как сегодня, находился какой-нибудь учитель, который разговаривал с ней свысока, словно Робин была тупицей, неспособной отличить лабораторный стакан от бунзеновской горелки. А на прошлой неделе два самых противных мальчишки исподтишка «освободили» насекомых из стеклянного ящика, и Робин пришлось их ловить. Она ползала по полу, пытаясь поймать мелких мерзавцев, думая о своей степени магистра и о том уважении, которым когда-то пользовалась среди коллег.

Иногда Робин просто скучала по тому, чтобы быть «кем-то».

Влетев в ворота школы и смешавшись с толпой родителей, ожидавших своих чад на игровой площадке, она ощутила, как на нее навалилась усталость. Из ближайшего окна раздавались нежные высокие голоса детей, которые пели песню «Ты мое солнышко». «Уф, успела», – подумала она, роясь в кармане в поисках бумажного носового платка, надеясь промокнуть вспотевший лоб, пока никто не заметил, как он блестит. Было очень душно, а она столько времени провела в школе, где окна как следует не открывались. От жары ученики весь день сходили с ума.

Робин промокала лоб – неловкий момент! – когда поняла, что к ней обращается одна из мам, и с виноватым выражением лица повернулась к ней, комкая в кулаке бумажный платок. На нее выжидающе смотрела Бет Бродвуд, суперзвезда родительского комитета и мать четырех умных спортивных девочек.

– Прости, я задумалась, – призналась Робин. – О чем ты говорила?

Бет как-то странно ей улыбнулась, и Робин не смогла расшифровать эту улыбку.

– Я сказала, что сожалею о случившемся. Надеюсь, вы все в порядке.

Робин непонимающе уставилась на нее.

– О случившемся? – повторила она, но тут догадалась, что Бет, вероятно, говорит о родителях Джона. Боже мой! Неужели новости разлетелись так быстро? – Ты... о Гарри и Джини? – слабым голосом уточнила Робин. Интересно, Бет имела в виду то, что произошло в аэропорту, или то, что у Гарри есть внебрачная дочь? Она не могла не чувствовать себя предательницей, вступив в разговор об этом. Накануне Джон с такой неохотой рассказал всю историю ей, своей жене. Робин не сомневалась, что ему бы не хотелось, чтобы об этом сплетничала вся игровая площадка. И с какой стати Бет Бродвуд решила, что это ее дело?

– О! – Бет смутилась. – Нет, я имела в виду Джона. Он же потерял работу, – добавила она спустя секунду, когда Робин ей не ответила. Бет покраснела. – Прости... Я не хотела совать

нос не в свое дело. Просто Пол мне об этом сказал... Но, возможно, я что-то не так поняла. Я только хотела сказать... надеюсь, ты в порядке.

Мозг Робин работал очень быстро, но она все равно не понимала смысла разговора. О чем это толкует Бет? Джон потерял работу?

– У нас все хорошо, спасибо, – сумела сказать Робин. Мысли по-прежнему неслись вскачь. Она вспомнила, что Пол, муж Бет, тоже работал в университете.

– Правильно. Разумеется, у вас все в порядке. В любом случае я... – лицо Бет исказилось в неловкой гримасе. – А вот и дети, – с явным облегчением добавила она.

Пение прекратилось, и ученики начали выходить из школы. Некоторые держались за руки и были увлечены разговором, другие только что не прыгали от ощущения свободы. Один мальчик с мечтательным взглядом задумчиво скользил рукой по перилам. Бет смешалась с толпой, заметив одну из своих белокурых дочек с хвостиками по бокам головы. Ошеломленная Робин осталась стоять на месте. Бет наверняка ошиблась. Джон сказал бы ей, если бы потерял работу! Если только... Она вспомнила, как странно муж вел себя в последнее время, каким рассеянным он казался. Но ведь такую новость он бы ей *рассказал*, так?

Среди школьников Робин увидела Сэма, который был на голову выше остальных, сколько бы ни пытался сутулиться и стать меньше ростом. Робин помахала ему рукой, стараясь перестать думать о муже. Она заметила, что темные волосы сына стоят дыбом. Вероятно, он пытался пригладить их мокрой от пота рукой. На рубашке спереди красовалось пятно от травы. Сэм с его карими глазами, россыпью веснушек и широкими плечами был Мортимером до мозга костей, маленькой копией Джона. Глубоко в душе Робин радовалась тому, что ее мальчик отлит в той же форме, что и его предки. Но в этот раз она взглянула на сына и увидела замкнутое лицо Джона. «Что случилось, Джон? Почему у тебя появились от меня секреты?»

А вот и Дейзи. Она что-то увлеченно говорила другой девочке. Вероятно, рассказывала о личинках moskitov или жизненном цикле таракана-прусака, если судить по замешательству на лице ее спутницы. Робин почувствовала прилив жалости к дочери, которая как будто не осознавала, что другие дети находили ее поведение странным.

– Она такая *чудная*, – однажды услышала Робин разговор хихикавших девчонок, и ей с трудом удалось сдержаться, чтобы не вцепиться им в горло и не разорвать на части. Чувствительная Дейзи с роскошными рыжими волосами и широкой улыбкой отчаянно нуждалась в лучшей подруге, но ее не принимали ни в одну компанию и болезненно часто не приглашали на вечеринки.

– Привет, дорогая, – окликнула ее Робин, когда увлеченная разговором дочь едва не прошла мимо нее.

– Ой! – Дейзи моргнула от удивления и тут же просияла. – Мам, а ты знала, что божья коровка может съесть пять тысяч насекомых за свою жизнь? Пять ТЫСЯЧ, мам!

– Вот это да! – воскликнула Робин, обнимая ее и Сэма. Она достала из сумки пачку сырных крекеров, и брат с сестрой набросились на них, словно голодные гиены. Робин заметила, что Бет снова смотрит на нее с другой стороны игровой площадки с тем же странным выражением в глазах. Робин поспешно отвернулась, но успела понять, как женщина на нее смотрела.

Это была жалость. Бет Бродвуд смотрела на нее с жалостью.

Банни было не по себе из-за того, что она оставила Дэйва одного вечером в понедельник, когда он еще не пришел в себя после новости о своих родителях. Но встреча в Уиллоудине была назначена еще два месяца назад, и дама, организовавшая ее, в последнюю неделю звонила трижды, сообщая информацию о парковке и спрашивая о требованиях Банни. Микрофон? Дисплей PowerPoint? Закуски? «Или мне не следовало спрашивать об этом?» – заговорщически хихикнула она. Нет, отменить встречу было невозможно.

– Пойди прогуляйся и составь компанию отцу, – предложила она бойфренду, хватая ключи от машины и поправляя волосы пред зеркалом в прихожей. – Сходите выпейте пива, поиграйте в дартс, развлеки его светской беседой. И кстати, может быть, он захочет несколько дней пожить у нас? Наверняка ему не слишком приятно сидеть одному дома.

– Хорошая идея. Что бы я без тебя делал? – с благодарностью сказал Дэйв, когда Банни поцеловала его на прощание.

– Вероятно, все еще лежал бы на дороге возле своего велосипеда, – ответила Банни. Она всегда так отвечала на этот вопрос.

– Определенно так оно и было бы, – согласился Дэйв. В конце концов, не каждый так встречает любовь всей своей жизни. Около года назад Банни утром ехала на работу, когда увидела, как автомобиль «Воксхолл» подрезал велосипедиста напротив Майклгейт-Бар⁵. В тот день Банни замечательно себя чувствовала: она избавилась от лишнего веса и от ужасного мужа. Поэтому она тут же остановила автобус, вызвала «Скорую» и уложила потерявшего сознание велосипедиста в «спасительное положение», т. е. так, чтобы пострадавший не захлебнулся собственной рвотой. Когда его забрала «Скорая», Банни поехала дальше, но через несколько минут, повинувшись порыву, развернулась и села в автобус, идущий в больницу, чтобы проверить, как там дела у (предположительно очень симпатичного) велосипедиста.

Когда Дэйв очнулся в больнице, накачанный обезболивающими и с сотрясением мозга, он увидел перед собой доброе лицо Банни в ореоле белокурых волос, моргнул и спросил: «Ты ангел?» (Его братья потом всегда гоготали именно на этом моменте истории; наверное, не стоило им об этом рассказывать.) Банни улыбнулась, глядя на побитое красивое лицо, и ответила: «Сегодня тебе повезло». Как оказалось, повезло им обоим.

Банни сбросила скорость, подъезжая к деревне Уиллоудин, и несколько минут спустя уверенно припарковалась между двумя машинами возле зала при приходской церкви. Люди всегда удивлялись тому, как отлично она водит машину, особенно мужчины, как будто ожидавшие, что женщина, любящая накладные ресницы, короткие юбки и маникюр цвета «морозный розовый», совершенно беспомощна. «Я полна сюрпризов», – обычно отвечала она на подобные комментарии. Ей нравилось не оправдывать ожидания людей, чтобы они продолжали гадать, кто же она на самом деле. «Не судите *эту* книгу по обложке».

Посмотрев на себя в зеркало заднего вида, она перевела взгляд на картонную фигурку, лежавшую на заднем сиденье.

– Ну, вот мы и на месте, детка, – сказала Банни. – Давай снова поразим всех худеющих. – С тех пор как она стала «Худеющей года» по программе SlimmerYou, Банни читала вдохновляющие лекции для групп, соблюдающих диету, по всему северу, демонстрируя, какой она была, с помощью картонной фигурки, изображавшей ее саму, какой она была «до» – с двумя подбородками, – и наслаждаясь тем, что люди с искренним уважением смотрят на ее нынешнее стройное воплощение. «Ты сделала это», – говорили их глаза, и на лицах читалось желание стать такой же, не говоря уже о восхищении и, что случалось довольно часто, зависти.

SlimmerYou платила ей небольшие деньги и оплачивала транспортные расходы, но Банни занималась этим не ради денег. Она ощущала своего рода катарсис, рассказывая эту историю снова и снова в Йоркшире, Ланкашире и Мерсисайде. И к тому же это стало еще и поддержкой. Стоя в каком-нибудь мрачном церковном зале напротив жадно слушающих людей, Банни снова и снова удивлялась собственной отчаянной решимости, когда она подробно рассказывала о

⁵ Майклгейт-Бар (Micklegate Bar) – южные ворота города Йорка, которые долго считались самыми важными воротами и отмечали начало пути на Лондон. Эти ворота построены по плану норманнов, которые, по слухам, использовали старинные каменные гробницы как строительный материал. Здесь позднее выставляли головы казненных преступников и мятежников. В музее Майклгейт-Бар, разместившемся в укрепленной башне, находятся старые литографии, модели, картины и черепа (*прим. переводчика*).

своем пути к успеху. «Я действительно сделала это», – иногда изумлялась она, мило улыбаясь в ответ на аплодисменты аудитории.

Банни нагнулась к бардачку, чтобы достать розовый пояс, который она надевала по настоянию SlimmerYou, вышла из машины и открыла заднюю дверцу, чтобы вытащить с заднего сиденья картонную фигурку в полный рост.

– Идем, дорогая, – сказала она, беря фигурку под мышку. Хотя она когда-то ненавидела свое тело весом девятнадцать стоунов⁶, теперь Банни испытывала лишь сострадание к своему картонному двойнику. Та женщина была раздавленной, забитой и испуганной, но все же она смогла найти в себе мужество и сказать: «Все, хватит».

У нее сдавило горло, как бывало всегда при воспоминании о прежних плохих временах. Но они остались позади, напомнила себе Банни. Теперь ее звали Банни Холлидей, и она могла со всем справиться.

Хорошо. Ее ждал зал, полный желающих похудеть, и им нужно было вдохновение. Им нужна была она. Быстро заперев машину, Банни высоко подняла голову и направилась ко входу в зал при церкви.

Есть ли что-то приятнее, чем войти в дверь собственного дома после суматошного рабочего дня и знать, что тебя ждут любимые телепередачи, вкусное блюдо, которое с готовностью согреет микроволновка, и бутылочка отличного вина? «Нет, – ответила себе Элисон, задвигая щеколду на двери и сбрасывая туфли. – Нет, ничего приятнее быть не может». Она знала, как весело провести вечер. Что бы об этом ни думала ее дочь.

– Неужели тебе не одиноко? Приходи к нам, если захочешь посидеть в компании, – предлагала Робин примерно девять миллионов раз только за прошедший год. К «нам» означало к Робин и всем остальным Мортимерам. Они были единым целым, а Элисон – явно лишней. Нет, она не сомневалась, что родственники ее зятя – милейшие люди. Робин обожала их всех. Но от этого Элисон лишь сильнее чувствовала, что проигрывает в сравнении с ними, как будто Мортимеры были *настоящей* семьей, давая Робин все то, что Элисон не сумела ей дать. Они подарили Сэму и Дейзи двоюродных братьев и сестер, тетя и дядя, дедушку и бабушку, устраивавших вечеринки. Она такого веселья своим внукам дать не могла.

Ей следовало догадаться, что так оно и будет, еще на свадьбе Робин и Джона, когда в церкви на стороне Мортимеров было столько родственников и друзей, что им пришлось занять и сторону Робин, где сидели только Элисон и несколько университетских друзей невесты. Но все равно все увидели соотношение сил. Хуже того, Джини несколько лет назад пожалела Элисон, проявив неуместное сочувствие: «Должно быть, тебе порой бывает одиноко, Элисон». Ладно, хорошо, она сказала это по доброте душевной, но все равно каждое слово впилось в Элисон, словно колючка. Жалость другой женщины. Снисхождение другой женщины. Как смертельно тяжело должно быть Элисон, не устраивавшей семейных сборищ, не имеющей мужа и кучи детей, не чающих в ней души!

Ну, не совсем так. И зачем столько снисходительности? Элисон не было трудно, и она не чувствовала себя одинокой. Ничего подобного. Как человек может быть одиноким, работая парикмахером, проводя каждый день в новом доме, делая стрижки и слушая истории клиентов? И потом, у нее было столько друзей на форуме «Теленаркоманов»! Некоторые стали ей очень близки за прошедшие годы. А еще у Элисон была гордость, и поэтому с тех пор на все приглашения Джини Мортимер она отвечала: «Спасибо, нет». Потому что, по мнению Элисон, жизнь была слишком коротка, чтобы тебя тыкали носом. На нее не рассчитывайте.

Двадцать минут спустя она уже устроилась перед телевизором, подняв ноги повыше. Тарелка с разогретой в микроволновке лазаньей у нее на коленях, бокал с охлажденным вином

⁶ 120,7 кг (прим. переводчика).

на кофейном столике, открытый ноутбук рядом. Духота сменилась дождем. Капли стучали в окно, оставляя длинные мокрые полосы. Раздался раскат грома. Хорошо. Элисон любила грозу: в доме сразу становилось так тепло и уютно. И она только что вспомнила, что в морозилке остался последний кусочек мороженого. Рай...

Откусив кусочек лазаньи и войдя на форум, она напечатала: *Добрый вечер всем! Как у вас дела сегодня вечером? Я вижу, что к нам присоединились новички. Добро пожаловать! Мы очень дружелюбные и будем рады поговорить с вами о телепрограммах! Ну, а теперь самый главный вопрос: что каждый из вас смотрит сегодня вечером?*

Элисон включила телевизор, напевая себе под нос, пока просматривала вечернюю программу. В девять детективная драма, первая серия которой ей очень понравилась на прошлой неделе. До этого по BBC2 транслировали теннис, который ее всегда успокаивал. Для нее это были звуки лета – удар ракетки и свист летящего мяча. И, разумеется, она не без удовольствия смотрела на атлетически сложенных молодых мужчин в красивых белых шортах. Приятное времяпрепровождение. Что еще? Ага, старая добрая «Улица коронации» и...

БУМ! Раздался треск.

На улице прогремел гром, свет замигал, над головой раздался жуткий грохот. Телевизор зашипел и отключился.

– Ох! – воскликнула Элисон, расплескав от неожиданности вино. На мгновение она застыла, втянув голову в плечи, как будто потолок вот-вот мог обрушиться на нее, но тут же выпрямилась и с тревогой огляделась. К сожалению, телевизор молчал, не подавая признаков жизни. – Ну надо же... – с несчастным видом пробормотала Элисон. Она нажала на кнопку пульта, чтобы включить телевизор, но тщетно. – Не может быть... – простонала она, снова и снова нажимая на кнопку включения. – Пожалуйста, нет!

Так, во всем виновата гроза, это точно. Неужели молния ударила в спутниковую тарелку? И все электричество в доме вышло из строя? Элисон с тревогой вспомнила о мороженом, ожидавшем ее в морозилке, и вскочила. Нет, свет в доме был, сообразила она, включая и выключая лампы. Она прошла в кухню. Холодильник послушно гудел, часы на духовке показывали правильное время.

Дождь продолжал стучать в окна, когда Элисон вернулась на диван и съела еще немного лазаньи. «Ладно, – подумала она, – придется смотреть передачи на ноутбуке, пока я не выясню, что произошло с телевизором. У одной из моих клиенток, Бекки, муж – электрик. Он наверняка сможет его починить», – успокаивала она себя. Но когда она попыталась оживить экран ноутбука, оказалось, что на ее домашней странице висит сообщение об ошибке. *Нет выхода в Интернет*. Элисон была вне себя от досады.

– Только не это! – Неужели молния лишила ее еще и Интернета? Надо честно признать, что Элисон плохо разбиралась в электричестве, сетях и вообще в технологиях, поэтому ни малейшего оптимизма не испытывала.

Элисон мрачно доела лазанью, отодвинула от себя тарелку. Настроение упало. Ни телевизора. Ни Интернета. По крайней мере, у нее оставался мобильный телефон... Но кто захочет смотреть передачу на крошечном экране? Через две минуты у нее разболится голова, даже если она наденет очки для чтения. Ну и что ей теперь делать?

В таких ситуациях – очень редких, надо признать – ей не хватало Рича. После его смерти прошло тридцать три года, но она все еще иногда вспоминала о нем. Он как будто застыл во времени, Рич в его любимой клетчатой рубашке и вельветовых брюках, Рич с неровно постриженными темными волосами, Рич, умеющий спокойно справляться с проблемами. «Давай-ка посмотрим, что тут можно сделать», – сказал бы Рич, если бы был с ней. Он взял бы отвертку, сунул бы карандаш за ухо и ушел, жизнерадостно насвистывая, чтобы справиться с новой задачей, которую ему подкинула жизнь. Элисон была уверена, что в их старом доме в Вулвергемптоне все еще повсюду стояли бы ящики, стоял бы и сарай, который он однажды построил в

субботу днем, разложив по всей лужайке доски, словно элементы гигантского пазла. Остался бы и огромный верстак, который он установил в гараже, крепкий, как и все остальное. Чтобы его сломать, крышу гаража должен был пробить метеорит. Вечера, которые Рич проводил там, возясь со своим любимым винтажным автомобилем – красным «Дженсен Интерцептор», – были для него воплощением блаженства.

Разумеется, Элисон старалась не думать об их старом гараже. О таких вещах лучше вспоминать пореже. Но воспоминания все равно возвращались: как она проснулась в то тихое воскресное утро, чтобы обнаружить, что его половина кровати пуста; как у нее стиснуло горло от страха и она на цыпочках прокралась мимо комнаты Робин и спустилась вниз. За три месяца до этого Рич потерял должность мастера на заводе, потому что его по ошибке обвинили в воровстве, и с тех пор был сам не свой. Элисон вошла в кухню, где на столе рядом с чайником лежала записка всего в два слова: «Мне жаль». Элисон увидела, что дверь, ведущая из кладовки в гараж, раскрыта настежь. Она бросилась туда и...

Горький запах скипидара. Мягкие опилки на верстаке. И эта веревка, на которой висело тело ее мужа, обмякшее и мертвое. Она отскочила в сторону, как будто ее ударили кулаком в живот, опрокинув коробку с ролплагами. Ее рот распахнулся в безмолвном крике. *Нет. Нет!*

Много лет спустя, сидя в своей тихой безопасной гостиной, Элисон вздрогнула и одним глотком допила вино, пытаясь отключить картинку, вновь захлопнуть дверь, как в тот день. Она крепко закрыла ту дверь, заперла ее, положила ключ в карман халата, потому что некоторые вещи ребенок видеть не должен, тем более иметь с ними дело, и ему никогда не следует об этом говорить. Потом, все в той же оцепенелой собранности, Элисон позвонила матери: «Мне нужно, чтобы ты приехала и увезла Робин. Пожалуйста. Как можно быстрее», – а потом смяла записку Рича. («Почему ему жаль? Он что, разбил что-то?») Робин обязательно задавала бы эти вопросы, если бы увидела записку.) Потом Элисон сунула скомканную записку в самую глубину мусорного ведра, под чайные пакетики, картофельные очистки и яичную скорлупу.

«Внезапный сердечный приступ», – сказала она Робин несколько дней спустя, когда дочка могла спокойно вернуться домой и когда все свидетельства смерти ее отца были тайком унесены добрыми полицейскими. На прикроватной тумбочке Элисон появились только что выписанные таблетки от бессонницы, единственное, что помогало ей спать по ночам. Была ли она не права, переписывая историю, вычеркивая кое-какие строки, потому что защищала собственного ребенка? Как бы там ни было, с тех пор она ни разу не изменила своей версии. Они переехали в новый город, в новый дом, только бы до Робин не дошли никакие слухи.

– Бога ради, прекрати! – велела себе Элисон, резко вставая и выходя в кухню, как будто пытаясь стряхнуть с себя мрачные воспоминания. – Какого черта? Прекрати думать об этом, глупая женщина.

Элисон налила себе еще вина и залпом выпила весь бокал, стоя возле рабочего стола в кухне. От вина у нее свело рот, словно от лекарства. На улице все еще гремел гром.

В следующую минуту, когда раскаты стихли, из гостиной до нее донесся мужской голос. На мгновение Элисон решила, что сошла с ума, что каким-то образом сумела воскресить своего давно умершего мужа. Сошла с ума? Или напилась? Элисон торопливо вернулась в гостиную и увидела – хвала небесам! – что телевизор снова заработал, а ведущий выпуска новостей торжественно вещал о последнем кризисе с беженцами. Элисон тяжело рухнула на диван, из ее горла вырвалось рыдание.

– Спасибо, – хрипло сказала она телевизору.

Перепад напряжения? Нарушение соединения? Кто знает, но и ее ноутбук деловито обновлялся. Все вернулось к норме. Паника прошла.

Элисон вытерла глаза, высморкалась, дрожа от облегчения.

– Соберись, – приказала она себе. – Рехнулась, старая корова, довела себя до такого состояния. – Элисон прижала руку к груди, чувствуя, что сердце бьется слишком быстро. – Теперь все в порядке. У тебя все хорошо.

Глава шестая

В стрессовых ситуациях хорошо иметь рядом маленького любопытного ребенка, который позволяет вам не терять почву под ногами. Так размышляла Фрэнки в течение нескольких следующих дней. Как и все четырехлетки, Фергюс жил исключительно настоящим: радовался, задавал кучу сложных вопросов, ответы на которые его совсем не интересовали, потому что он тут же, опустившись на четвереньки, начинал рассматривать ползущего жука в луже интересной формы. Он требовал внимания так нежно и невинно, что Фрэнки была только рада оказывать ему это внимание. В результате к середине недели она уже почти чувствовала себя так, будто кошмарное путешествие в Йорк ей только приснилось, а не произошло наяву. Воспоминания об этом еще возвращались к ней: ошеломленное выражение лица Гарри Мортимера, когда их глаза встретились, его неожиданно высокий рост, то, с какой интонацией он произнес имя ее матери... И все это на фоне песни Тома Джонса в исполнении его вульгарной копии. Пережитое переставало казаться Фрэнки реальным.

– Что ты теперь будешь делать? – мягко спросил ее Крэйг два дня спустя, когда Фрэнки так больше и не заговорила о своем отце. – Ты попытаешься с ним пообщаться? Может быть, напишешь ему письмо?

– Не знаю, – ответила Фрэнки, морща нос. – Вероятно, мне следовало бы это сделать. Но что я ему скажу? Я не хочу еще больше ухудшить его положение.

– Как может такой славный и восхитительный человек, как ты, ухудшить чье-либо положение? – удивился Крэйг.

Фрэнки не слишком хотелось отвечать на этот вопрос. Хотя она ценила его жизнерадостную поддержку, но сама была уверена, что ее внезапное появление не принесло никакой радости жене Гарри. Да и самому Гарри, если судить по выражению лица его спутницы жизни.

Она будет делать то, что делала всегда. Ничего. Пусть вся ситуация растает вдали, скроется за более насущными вопросами повседневной жизни. Да и кому нужен биологический отец? Ее мама вышла замуж за Гэрета Карлайла, когда Фрэнки было двенадцать лет, за вежливого, легкого на подъем Гэрета, ставшего хорошей заменой отца. В этом году он вышел на пенсию и отправился в Пальма-де-Майорка, чтобы поваляться на солнышке. Фрэнки догадывалась, что так он справляется со своим вдовством. Возможно, в будущем у нее возникнет желание еще раз наладить отношения с Гарри, но пока она не станет над этим задумываться.

В четверг Фрэнки отвела Фергюса в детский сад, где он обычно проводил утро, обменялась шутками о хорошей погоде с несколькими другими мамами. По дороге домой она зашла в гастроном, чтобы побаловать себя и Крэйга капучино. В будущем, может быть, осенью, когда Фергюс должен был отправиться в школу, они надеялись снять достойное помещение, в котором оба могли бы работать (Фрэнки мечтала о залитой светом студии с огромными окнами на чердаке). А пока им приходилось ютиться на противоположных концах кухонного стола. Они по очереди присматривали за Фергюсом, чтобы приготовить ланч, выловить неоплаченные счета и между делом отправить белье в стирку.

– У вас собственный коттеджный бизнес, как очаровательно! – говорили их друзья на протяжении всех этих лет, как будто они жили и работали в красивом каменном фермерском доме, с курами во дворе и собакой, бьющей пушистым хвостом по плиточному полу. Одна журналистка даже взяла у них интервью для статьи под названием «Любовь на рабочем месте». Прочитав готовую статью, Фрэнки должна была признать, что автору удалось показать их рабочую обстановку уютно-идиллической. На самом деле они теснились в бывшей муниципальной квартире Крэйга на четвертом этаже дома на Лэдброк-Гроув с видом на автостраду. Но это был их дом.

Вернувшись в свой квартал, Фрэнки поднялась по лестнице, думая, что вместо обжигающего кофе ей, пожалуй, стоило купить что-нибудь холодное. Примерно раз в году температура в их квартире ощущалась как комфортная. В остальное время в ней было или душно и влажно, как в этот день, или царил леденящий холод, когда им приходилось работать в пальто и шерстяных шапках, словно студентам.

– Черт подери, – простонала Фрэнки, входя в квартиру, ощущая, насколько неприятно липким стало тело. – На улице жарыща.

Она замолчала, услышав голоса, и нахмурилась, пытаясь понять, кто пришел. Крэйг очень ревниво относился к своему рабочему времени, посвящая редкие часы, когда дома не было Фергюса, своей колонке. Иногда он даже не отвечал на телефонные звонки друзей, чтобы его не соблазняла возможность посачковать или отвлечься.

– Привет! – сказала Фрэнки, проходя в кухню. – О! – Она увидела за столом незнакомую женщину. Ее мозг одновременно отметил два факта. Во-первых, женщина явно чувствовала себя как дома, прислонившись спиной к радиатору и скрестив ноги. Во-вторых, женщина была удивительно похожа на Фергюса: те же темные кудрявые волосы, та же оливковая кожа, те же пухлые, красиво изогнутые губы... и тут Фрэнки оледенела, осознав, что перед ней Джулия, бывшая подруга Крэйга, вернувшаяся из небытия. – Привет, – повторила Фрэнки пересохшими губами, а гостью оценивающе оглядела ее.

– Привет, – ответила Джулия, и на секунду Фрэнки показалось, что это она гостья, что это квартира Джулии, а она вторглась в чужую семью. Понятно, почему бывшая Крэйга так вольготно чувствовала себя в квартире. Ведь она прожила в ней несколько лет до появления Фрэнки.

– Гм, – подал голос Крэйг, пребывавший в явном замешательстве. – Фрэнки, это Джулия. Джулия, это Фрэнки.

– Я догадалась, – выпалила Фрэнки. – Фергюс так на тебя похож.

При упоминании имени мальчика лицо Джулии просияло.

– Я полагаю, он в детском саду, – сказала она.

– Да, – подтвердила Фрэнки, пытаясь не глазеть на нее. *Вот ты и явилась*. А потом нервы у нее сдали, и она начала болтать все, что приходило в голову: – Он всегда замечательно проводит там время. В саду прекрасные сотрудники, и у него появилась лучшая подруга по имени Прина, с которой ему очень нравится играть в «Лего», и... – Она замолчала, пораженная странностью этого разговора. Совершенно невероятно, ей приходится рассказывать этой женщине детали о ее собственном сыне. Все то, что Фрэнки знает о Фергюсе, а Джулия – нет. Сколько было обнимашек, болтовни и глупых шуток, которым радовалась Фрэнки. А Джулия – нет.

– И как часто он туда ходит? – спросила Джулия.

Похоже, Джулия была настроена несколько критически. Или это лишь показалось Фрэнки? Может быть, по мнению Джулии, они доверяли ребенка посторонним людям, потому что не хотели присматривать за ним сами?

– Три дня в неделю, – сухо ответил Крэйг. *И это совершенно не твое дело*, добавило выражение его лица.

– Это хорошо для его социальных навыков, – сказала Фрэнки жизнерадостным «телевизионным» голосом, который был ей совершенно не свойственен. – У него появилось много друзей. И поскольку ему скоро в школу, мы подумали... – Крэйг посмотрел на нее, и она осеклась, закусив губу. – Вот, – пробормотала она. «Крэйг прав, – сказала она себе. – Мы не обязаны объяснять свои решения Джулии, которая бросила Фергюса в тот момент, когда он больше всего в ней нуждался. Мы ничего ей не должны». Тогда почему Фрэнки чувствовала себя так, словно это ее судили?

– Отлично! – сказала Джулия, хлопнув в ладоши. – Что ж, мне нужно будет иногда узнавать у вас эти детали. – Она широко улыбнулась. Джулия была привлекательной и спортивной женщиной, в бирюзовом топе стиля «кафтан», безупречно чистых белых укороченных джинсах и сверкающих серебристых шлепанцах. Крэйг говорил Фрэнки, что в прошлом Джулия была депрессивной и непредсказуемой – он употребил выражение «с расстроенными нервами», – но, как показалось Фрэнки, она выглядела совершенно нормальной. Сияющей даже. Вот только что она имела в виду, когда говорила о том, что ей будут нужны детали о детском саде? Она же не собирается?...

Фрэнки вопросительно посмотрела на Крэйга. Тот нахмурился и покачал головой, глядя на свою бывшую.

– Джулия, нет. Ты не можешь вот так просто прийти сюда и...

– Почему же нет? – Ее широкая улыбка неожиданно стала напоминать оскал крокодила. – Я его мать. – У нее заблестели глаза, и температура в комнате как будто упала. – Он был у тебя четыре года. Думаю, теперь моя очередь, не так ли?

– Что? – с тревогой воскликнула Фрэнки в тот момент, когда Крэйг повторил:

– *Джулия...*

И он сказал это таким тоном, какого Фрэнки никогда раньше не слышала, суровым и страшным, пробравшим ее до костей.

Из горла Фрэнки вырвался стон, потому что в глубине души она всегда знала, что этот день настанет, что мать Фергюса вернется и выдвинет требования. *Он мой. Не твой.* И хотя Фрэнки любила каждый дюйм этого малыша, она не могла забыть о том, что он не ее. Не ее по закону. По документам. Она всего лишь взяла его взаймы. И если Джулия захочет вернуться в жизнь Фергюса, заново познакомиться с ним, то как Фрэнки может лишать ее этой привилегии?

Она со страхом уставилась на Джулию, гадая, как к этому отнесется Фергюс. Он будет сбит с толку. Он считал своей мамой Фрэнки. Как они ему это объяснят? И была ли она жалкой эгоисткой, уже беспокоясь о том, что мальчик полюбит Джулию больше, чем ее?

– Я побеседовала с людьми в Совете граждан⁷, – продолжала Джулия. – И они сказали мне, что права матери *священны*. У матери больше прав, чем у отца. Раньше я не могла справиться с ребенком, потому что была больна. У меня были кое-какие проблемы. Но сейчас мне лучше, и я готова начать с того момента, когда я ушла.

– Ты *готова*? – повторил Крэйг с таким ядовитым сарказмом, что Фрэнки показалось, со стен сейчас начнет облетать краска. – Ты готова начать с того момента, когда ты ушла. – Он покачал головой, не веря своим ушам, а потом снова обратился к Джулии: – Ты не можешь поступить так с ребенком, Джулия. Это так не работает. Ты не можешь нажать на «паузу», а потом снова нажать «пуск», когда тебе захочется. Скажи мне, где ты была, когда ему делали операцию из-за того, что у него резались зубы, когда он был болен, огорчен, испуган? В день его рождения? На Рождество? Когда он сделал первые шаги? Почему ты не была готова быть с сыном четыре года назад?

Его голос был пропитан горечью и яростью. Фрэнки моргнула. Его слова лились так свободно, с такой горячностью, что ей казалось, он не раз мысленно репетировал их. В прошлом Крэйг не говорил о Джулии, сказав, что выкинул ее из своих мыслей, из своей жизни, словно старую мебель. Фрэнки не знала, сколько боли и гнева все это время бурлило в нем.

⁷ Citizens Advice – сеть из 316 независимых благотворительных организаций по всему Соединенному Королевству, которые предоставляют бесплатную конфиденциальную информацию и консультации для оказания помощи людям с денежными, юридическими, потребительскими и другими проблемами (*прим. переводчика*).

– Крэйг, – робко сказала она, потому что ей было невыносимо видеть его таким. И к тому же, если Джулия действительно была больна и страдала от нервного срыва, то ему не следовало бы так нападать на нее. За такое человека едва ли можно винить.

– Что? – Его лицо было перекошено от гнева. – Она хочет забрать Фергюса. Что из этого ты не поняла?

Эти слова были словно пощечина.

– *Забрать* его? – в ужасе повторила Фрэнки и повернулась к Джулии. – Но я думала... – Она предполагала, возможно наивно, что Джулия всего лишь хочет проводить с мальчиком немного времени. Начать с ним новые отношения. Возможно, брать его к себе на несколько часов во второй половине дня, чтобы малыш привык и мог потом ночевать у нее. Проводить выходные. Это было бы нормально, правда? Ведь она же его мать и все такое? Никто не мог этого отрицать, безусловно. Но совсем *забрать* Фергюса, оторвать его от Фрэнки и Крэйга, от этой квартиры, от их привычного общения перед сном, от любимых детских площадок и глупых семейных шуток – нет. Нет. Это не вариант. Нет!

– Он мой сын, – сказала Джулия, вынув из рукава козырь. Козырь, которому они не могли ничего противопоставить. Фрэнки точно не могла.

Шок и страх нахлынули на нее. Сердце болезненно сжалось, будто пытаясь справиться сразу слишком со многим. Стало тяжело дышать. Неужели, когда вмешиваешься в жизнь чужой семьи, через несколько дней кто-то обязательно вмешается в твою? Как будто, отправившись в Йорк, чтобы найти своего отца, она каким-то образом выпустила на волю зло, которое теперь намеревалось разрушить маленький мир самой Фрэнки, уничтожить все, что она любила.

– Какая у него любимая сказка? Что он любит есть? Ты даже его *не знаешь*, – продолжал Крэйг. Его ноздри раздувались, пальцы вцепились в край стола, все его тело как будто приготовилось действовать, словно ему впрыснули огромную дозу адреналина. – Давай убирайся отсюда. Ты нам здесь не нужна.

– Крэйг, подожди, – сказала Джулия, и Фрэнки захотелось повторить ее слова. *Крэйг, подожди, ты делаешь только хуже. Крэйг, подожди, не нападай на нее, послушай, что она тебе скажет. Крэйг, подожди, из этой ситуации должен быть разумный выход.* Но он ненавидел Джулию, и Фрэнки это поняла. Он очень сильно ее ненавидел.

– Ты слышала, что я сказал, – прорычал он, оцетинившись, словно дикий зверь. – Прошу тебя, уходи.

Джулия с вызовом вздернула подбородок.

– Я пришла сюда не ссориться с тобой. – Она свирепо посмотрела на Крэйга, написала номер своего телефона на клочке бумаги и пододвинула его к Крейгу через стол. – Вот мои контакты. Позвони мне, когда будешь готов обсуждать это как взрослый человек. – Ее подбородок выдвинулся вперед. – Но ты должен знать, что у меня есть адвокат. Есть люди, которые мне помогут. И у меня есть право видеть собственного сына! – Выдержка неожиданно изменила ей, и из ее горла вырвалось рыдание. – Потому что он и *мой* сын тоже, не забывай об этом.

Она стукнула по столу, поднимаясь на ноги, и Фрэнки дрогнула, когда гневный взгляд женщины упал сначала на Крэйга, а потом переместился на нее. Джулия вышла из квартиры, громко хлопнув дверью. Наступившая после ее ухода тишина казалась оглушительно громкой, заполняя маленькое помещение. Все в кухне оставалось таким же, каким было час назад: жизнерадостные желтые стены, рисунки Фергюса, приклеенные к дверцам шкафов, две перевернутые вверх дном кружки на сушилке, фотографии счастливых дней, прикрепленные к холодильнику вместе с магнитами «Томас-Танк». И все же появление Джулии как будто околдовало это место, и окошки теперь казались маленькими и грязными. Фрэнки не смогла не заметить клубы пыли на полу в углу, след от чайного пакетика на столешнице, дверцу шкафчика, уже несколько месяцев висевшую на одной петле.

Фрэнки казалось, что ее сердце превратилось в гигантский камень, охваченный болью. Она поставила один стакан с почти остывшим капучино перед Крэйгом и рухнула на стул, сжимая в руке другой стакан.

– Что мы будем делать? – спросила она, и ее голос был похож на испуганное блеяние. – Что мы будем делать, Крэйг?

Глава седьмая

– Какой приятный сюрприз, – сказала Элисон, когда Робин села за столик напротив нее. Это была пятница, выходной день Робин, и она собиралась потратить этот день на уборку дома перед выходными. Надо было постирать белье и заглянуть в супермаркет, если останется время. Но сегодня ей захотелось увидеть родное лицо. «*Как насчет ланча сегодня? В “Белой лошади”?*» Такое сообщение она с надеждой отправила матери.

Должно быть, это была интуитивная прозорливость, потому что всего за десять минут до этого клиентка Элисон отменила встречу, и теперь они сидели в пабе, до которого обеим было удобно дойти. Компания Элисон, как всегда, подействовала на Робин успокаивающе. Она просмотрела меню и со знанием дела сказала, что домашние пироги с мясом очень хороши. Потом Элисон сняла солнечные очки и внимательно посмотрела на дочь.

– Все в порядке, дорогая?

Робин слабо улыбнулась. Откуда в мамах этот встроенный детектор тревог?

– Не совсем, – со вздохом ответила она, вертя меню в руках. – Джон потерял работу.

– О нет! – Рот Элисон сам собой приоткрылся. Новость поразила ее не меньше, чем Робин. – Не может быть!

– Может. Судя по всему, на факультете сокращение штата, – пояснила Робин. Джон проработал в университете восемнадцать лет. Это была работа на всю жизнь. Или он так думал. Джон был основным кормильцем в семье, выплачивал ипотеку, оплачивал отпуска, имел золотую кредитную карту. Более того: Джон гордился тем, что обеспечивает семью, он был старомоден в том, что следует делать мужу. Но когда два дня назад Бет Бродвуд подошла к Робин, чтобы выразить сочувствие – *Сожалею о случившемся*, – оказалось, что работа Джона и все, что она значила для семьи, рухнули, стоило Робин отвернуться.

– Я собирался сказать тебе, – мрачно сказал Джон, когда Робин все же спросила его, правда ли это. – Я просто... пытался выбрать подходящий момент.

Бедняге явно было стыдно, признание как будто сломило его. Он едва мог смотреть Робин в глаза, когда излагал факты усталым голосом человека, потерпевшего крушение.

– Мне так жаль! – пылко воскликнула Робин в ответ. – Какой кошмар! – Она взяла мужа за руку, сжала ее, желая облегчить ситуацию. Работа всегда была для Джона на первом месте. Он был из тех людей, которые не находят себе места во время длительного отпуска. А в университете чувствовал себя как рыба в воде. – Они убрали курс из программы или что? У всех проблемы?

Джон пожал плечами.

– Не знаю. – Он хотел что-то сказать, потом как будто передумал. – Теперь ты знаешь, – подавленно продолжал он. – Прости. У меня такое чувство, будто я подвел вас всех.

– Нет, Джон! – воскликнула Робин. – Ничего подобного. Ты никого не подвел. Это не твоя вина. Тебе просто не повезло, только и всего. Настоящее невезение.

– Джон опустошен, – продолжала свой рассказ Робин, сидя напротив матери и вспоминая мрачное лицо мужа. Несомненно, его настроение в последнее время, увлечение выпивкой, молчание и отстраненность от нее были связаны именно с этим. Ясно, что он не хотел перекладывать на нее свою ношу. И от этого Робин было еще хуже.

– О боже! Вот уж действительно плохая новость, – ответила Элисон. – А денег вам хватит? То есть я хочу сказать, он же проработал долгое время, верно? По крайней мере, они должны выплатить ему достойную компенсацию. Закон о труде, и все такое.

– Судя по всему, Джон не знает, сколько они ему заплатят, – объяснила Робин. – Я уверена, что он найдет другую работу, но... Это такой шок. Он выглядит раздавленным.

– Бедный Джон. Это удар по его мужской гордости. Твой папа был... – Элисон осеклась, невысказанные слова повисли между ними.

– Что? – спросила Робин. За последнюю неделю мать дважды упоминала об отце. Обычно это было ей несвойственно. – Папу тоже сократили? – задала она следующий вопрос, гадая, не отразилось ли это на его здоровье и не увольнение ли стало причиной сердечного приступа, убившего отца. Может быть, ей все же не стоит есть на ланч домашний пирог с мясом, подумала Робин, представив, как ее собственное сердце отсчитывает время в грудной клетке.

– Это было много лет назад, – отмахнулась Элисон и вернулась к прежней теме разговора: – Слушай, без обид, я думаю, что твоя работа вас не прокормит, – продолжала она. – Так что, если тебе не будет хватать, дай мне знать, потому что у меня есть сбережения. Помни об этом. Или, может быть... – Она склонила голову к плечу и внимательно посмотрела на дочь. – Ты же не так давно говорила, что тебе, пожалуй, стоит снова поискать более интересную работу, верно? Поэтому...

– Да, но...

«Вот это да, – подумала Робин, – с места в карьер». Она еще не успела переварить известие об увольнении Джона, не говоря уже о том, чтобы строить планы по воскрешению собственной карьеры.

– Возможно, это твой шанс. Ты же знаешь, как говорят: если жизнь подкидывает тебе лимоны, сделай из них лимонад. Дети уже достаточно взрослые, чтобы за ними присматривать, так? Ты могла бы связаться с факультетом, на котором ты работала. Уверена, что они примут тебя с распростертыми объятиями. Вот тебе и лимонад! – Подав эту блестящую идею, Элисон вскинула голову, подалась вперед, ее глаза засияли от возбуждения. О, она была самой гордой матерью в мире, когда Робин получила сначала диплом («Первая в нашей семье!»), затем и степень магистра («Понятия не имею, откуда у нее такие мозги»), а потом начала работать в университете, постепенно поднимаясь по карьерной лестнице.

Как Робин нравилось там работать! Ей было интересно, она каждый день решала новые задачи. Робин почти слышала, как жужжат нейроны в ее мозгу, и наслаждалась тем, что ее окружают в высшей степени интеллектуальные люди, каждый из которых жаждал учиться, находился в поиске открытий и информации. И там же дождливым вечером она познакомилась с Джоном на открытой лекции «Неизвестная Вселенная», когда судьба сначала отправила их в одну аудиторию, а потом усадила рядом. («Самое время! – с облегчением воскликнула Элисон, когда Робин объявила ей, что встречается с парнем. – А то я уже начала думать, что мне вскоре придется стереть пыль на полке «Незамужние» рядом со мной, чтобы и ты поместилась».)

Теперь, разумеется, все это казалось далеким прошлым. Когда родился Сэм, Робин взяла декретный отпуск, рассчитывая вернуться на работу. Но мальчик оказался болезненным, страдал от экземы, поэтому в решающий момент она не смогла оставить его. Потом родилась Дейзи, которая заходила криком от горя и обиды, если кто-то кроме Робин осмеливался взять ее на руки. Короче говоря, прошло одиннадцать лет с того времени, когда Робин считала себя карьеристкой.

Она задумалась, не поздно ли ей вернуться. Робин изо всех сил старалась следить за публикациями в журнале «Нью Сайентист», когда позволяло время, но определенно отстала от жизни, если речь шла о последних открытиях в ее области. Кроме того, она потеряла уверенность в своих способностях. Когда-то она могла читать лекции сотням студентов и с энтузиазмом обсуждать с ними генную инженерию и молекулярную биологию. Теперь при мысли об этом Робин охватывал ужас. Представляя себя перед большой аудиторией, она чувствовала, как от волнения у нее на верхней губе выступал пот.

– Нет, мам, все в порядке. Я буду держать тебя в курсе, но я уверена, что все наладится, – сказала она, помолчав.

– Я тоже в этом уверена, – ответила Элисон. – Но почему все плохое случается сразу? Такая выдалась неделя, да? Помнишь грозу в понедельник? У меня на какое-то время отключились все электроприборы. Такая неприятность. И родители Джона поссорились... Ну и ну! Должно быть, что-то в воздухе. Как бы там ни было, – она театральным жестом схватила меню, – нам следует сделать заказ, потому что в два пятнадцать меня ждет Элизабет Перри, чтобы я сделала ей мелирование. А она всегда ворчит, если я опаздываю. Что ты будешь? Я съем мясной пирог и картофель по-деревенски. К черту все. В конце концов, сегодня пятница!

Робин углубилась в меню. Да, это была пятница, но отныне ей придется экономить, напомнила она себе, по крайней мере, до тех пор, пока Джон не найдет новую работу.

– Я буду салат и диетическую колу, – неохотно ответила она.

В субботу утром Джини Мортимер сонно заворочалась на широкой кровати. Под потолком лениво вращался огромный вентилятор. «Еще один день в раю», – подумала она, открывая один глаз и видя, как яркий солнечный свет пробивается сквозь отверстия в ставнях. Еще один день, а потом ей придется уложить в чемодан купальник и легкие платья, чтобы вернуться в реальный мир. Несмотря на неприятное начало отпуска, она отлично провела время.

Первый день Джини плакала, снова и снова вспоминая, как она увидела молодую женщину – Фрэнки, – которая застыла на месте и смотрела на Гарри. У нее тогда от недоброго предчувствия встали дыбом волоски на шее. Нисходящая гамма зловеще звучала в ее голове. Существует ли женская интуиция? Как бы там ни было, Джини просто все *поняла*.

Потом Гарри с несчастным видом признался, что это дочь Кэти Холлоуз.

– Я и Кэти, мы...

– Об этом я догадалась, – перебила его Джини, пока он не углубился в детали. Она даже не удивилась. Вместо удивления в ее сознании мгновенно засверкали воспоминания давностью в несколько десятилетий. Школьные соревнования тем летом, когда она проходила мимо спортивного поля со Стивеном в коляске. Они остановились, чтобы помахать рукой Гарри. Там была очень красивая молодая женщина с длинными каштановыми волосами и длинными загорелыми ногами. Она подпрыгивала рядом с беговой дорожкой, подбадривая бегущих детей. Джини помнила, как спросила у Гарри, кто это.

– Это Кэти, – ответил он тогда, и было что-то такое в том, как он произнес это имя, была особая мягкость в его улыбке. И Джини вздрогнула, когда они оба повернулись и посмотрели на девушку. При воспоминании об этом ее затоснило. *Это Кэти. Женщина, с которой у меня роман. Этого он, разумеется, тогда не сказал. И хотите – верьте, хотите – нет, но когда тридцать пять лет спустя ее – и моя! – дочь неожиданно появилась в день нашей золотой свадьбы, это был настоящий сюрприз.*

Было еще кое-что. Из глубин ее мозга всплыло еще одно воспоминание: вечеринка в конце учебного года в июле в пабе «Герб Бриклэйера» для учителей и их вторых половинок. Джини не думала, что сможет прийти. Стивен подхватил кишечную инфекцию, а Джон только что сломал зуб, когда играл в крикет. Но ее мама в последнюю минуту предложила присмотреть за детьми, и Джини решила, что заглянет в паб на часок. Она сменила топ, расчесала волосы, собранные до этого в «конский хвост», и даже накрасилась. Это был замечательный вечер, вспоминала Джини. Было непривычно идти по солнечной улице одной, и настроение у нее было приподнятым, потому что впервые за долгое время ей предстояло встретиться с мужем на светском мероприятии. Когда она пришла в паб, Гарри сидел рядом с той самой Кэти, они склонили друг к другу головы. В голове Джини тогда прозвенел предупреждающий звонок. Жена замечает такие вещи.

– Я думал, ты не придешь! – воскликнул Гарри. Он сразу вскочил, стоило ему увидеть Джини. Предупреждающий колокольчик зазвенел снова, когда Кэти посмотрела на них и быстро пересела за другой столик.

Джини оставила подозрения при себе. Ей и без того было чем заняться с четырьмя маленькими детьми. Но она украдкой вздохнула с облегчением, услышав от знакомого учителя, что мисс Холлоуз уехала из города и не будет больше преподавать в этой школе. «Так тому и быть», – подумала тогда Джини.

Но оказалось, что ничего не закончилось, так? Потому что вот она одна, без мужа, проводит этот их так называемый второй медовый месяц. О, жизнь умеет порой жестоко подшутить над человеком.

Весь первый несчастный день на Мадейре Джини не сомневалась, что совершила самую страшную ошибку в своей жизни, поддавшись ярости и боли. Но после этого она взяла себя в руки и постаралась отвлечься от тревоги. Скучала ли она? Черта с два. Каждый день она плавала в бассейне, прочитала четыре замечательные книги, а ее кожа приобрела идеальный бронзовый оттенок.

Было ли ей одиноко? Ни капельки. Она познакомилась с двумя дружелюбными женщинами из Пемброкшира, отдохавшими вместе, и они несколько раз приглашали Джини выпить с ними коктейль и поужинать. Персонал отеля был безупречно добр: ей приносили напитки, пока она загорала в шезлонге; советовали посетить вечер кабаре, оставляли самые красивые тропические цветы на ее подушке, когда разбирали ее постель по вечерам. Она даже немного потанцевала на дискотеке «Музыка шестидесятых» под мелодии группы *Martha and the Vandellas*, как будто ей снова было двадцать лет. Понятно, что ее чемодан уже был полон сувениров для обожаемых внуков. Она не смогла удержаться в магазине подарков. Джини обожала быть бабушкой, и одной мысли об улыбках внуков было достаточно, чтобы успокоить ее в самые мрачные моменты.

До этого момента Джини всегда была занята. Она вырастила четырех детей, двадцать пять лет работала преподавателем игры на фортепьяно и при этом готовила, занималась домом и совершала покупки. Когда дети выросли и вылетели из гнезда, Джини оставалась активной, работала волонтером в местном благотворительном магазине и помогала с детьми в детском саду недалеко от дома. Их с Гарри дом оставался открытым для всех Мортимеров. По субботам они собирались на ужин, в день рождения каждого члена семьи она устраивала специальное чаепитие: настоящий йоркширский чай со сливками и домашние scones⁸, а также пирог по выбору именинника. Никогда Джини не была счастливее, чем в те минуты, когда ее семья была рядом с ней, все в безопасности, все наслаждались ее ужинами и пирогами, а она могла с восхищением смотреть на замечательных людей, которыми стали ее дети.

– Не представляю, как тебе это удастся! – восклицали все три сестры Гарри. – Откуда ты берешь силы? – Они угощали гостей магазинным тортом «Баттенберг»⁹, в лучшем случае печеньем *Wagon Wheel*.

Что ж, Джини находила силы, потому что любила готовить для своей семьи. Таков был простой ответ, даже если, честно говоря, в последнее время семейные сборища давались ей непросто. Она оставалась без сил после всей этой беготни по магазинам, выпечки и приема гостей. Но, разумеется, в этом Джини никогда бы не призналась никому, кроме Гарри. Нет, потому что это того стоило.

Ох, Гарри, печально подумала она, поворачиваясь на бок в огромной кровати и прижимая к себе подушку. Его неверность, его предательство как будто отрезали ее от всего этого. Как он мог нанести такой ужасный удар семье? Почему он начал искать внимания на стороне, в объятиях другой женщины, когда она, Джини, всегда любила его всем сердцем? Гарри разбил ей сердце. Он разрушил их семью. Как она сможет вернуться и посмотреть им всем в

⁸ Британский хлеб, традиционное шотландское блюдо.

⁹ Бисквитный торт с марципановой глазурью. Выпекается из двух коржей: один розового, другой желтого цвета. Коржи нарезаются и скрепляются абрикосовым джемом между собой так, чтобы на срезе получилась характерная для баттенбергского торта шахматная клетка розового и желтого цвета.

лицо, когда их брак в руинах, когда будущее наполнено неуверенностью? Сможет ли семья по-прежнему наслаждаться вечеринками или совместными субботними ужинами после всех этих открытий? Они с Гарри так долго были парой, пережили столько бурь между ними, но это... это ощущалось как ураган. Один из тех ужасных ураганов, которые показывают в новостях. Они сметают все на своем пути: деревья, дома, жизни, все отброшено в сторону.

Джини со страхом ожидала следующего дня, когда отпуск закончится. Ее пребывание на Мадейре было похоже на побег в сияющую капсулу, полную кратковременных удовольствий, далекую от боли и стыда, оставленных дома. В этой капсуле за ней ухаживали, ее баловали, здесь она была защищена от боли реальной жизни. Но следующим утром все это закончится. Ей придется собрать чемоданы, отдать ключ от своего номера и на автобусе отправиться в аэропорт, где она будет ждать рейса домой – со страхом, с покорностью. Ей придется выслушать извинения Гарри, возможно, даже сразу по прилете, если ему действительно так отчаянно хочется вернуть ее расположение. А потом, как только она окажется дома, ей придется столкнуться со всеми соседскими сплетницами. Как только они ее увидят, их лица засияют, они потянутся к ней, словно железные опилки к магниту. Новости уже распространились среди соседей, как лесной пожар, слухи передавались из дома в дом. *(Вы слышали? У него ребенок на стороне. Да, у Гарри Мортимера. Кто бы мог подумать? Она оставила его в аэропорту, вы представляете? Она правда так поступила.)*

Хуже того, в определенный момент, когда они больше не смогут это откладывать, им с Гарри придется начать разговор, принять какое-то решение. Гарри скажет ей, как он намерен поступить с *ней*, а Джини придется в ответ рассказать о своих чувствах. Неделями раньше она заявила: «Она или я», – а Джини не из тех, кто отступает от своих слов. Что, если Гарри выбрал ее, эту его новую дочку? Что, если скажет, что все это время любил Кэти? Их брак никогда не оправится от такого удара.

От такой перспективы в голове Джини зазвучали минорные ноты. Все это было настолько ужасно, что не выразить словами.

Повернувшись на другой бок и уютно устроившись среди мягких удобных подушек, Джини закрыла глаза, не желая больше думать ни о Гарри, ни о его предательстве. «Если бы я только могла остаться здесь, – с тоской подумала она. – Остаться здесь и никогда больше не возвращаться...»

Глава восьмая

«Мать не выходила на связь всю последнюю неделю, и это было очень странно», – думала Пола, паркуя машину на стоянке аэропорта в воскресенье. Они с Джини всегда были близки, каждый день не раз говорили по телефону или обменивались сообщениями, а то и встречались. Когда Пола в первый раз стала мамой, Джини была для нее путеводной звездой в первые недели материнства. Она часами катала коляску с крошечным Льюком, мучившимся от колик, давая дочери возможность хоть немного поспать. Разумеется, Пола всегда любила мать, но, только увидев, с какой нежностью и с каким терпением Джини обращается с внуками, она по-настоящему поняла, насколько крепкими могут быть семейные узы и какой сильной может быть любовь между поколениями. Но в последние семь дней мать не прислала ни одного жизнерадостного сообщения, не позвонила, не выложила никаких забавных фото в семейную группу в Ватсапе. Без Джини в жизни Пола образовалась дыра.

И не только Пола попала в зону молчания. Никому из семьи мать не писала и не звонила. Пола сначала отправляла ей сообщения, текстовые и голосовые, чтобы поддержать, но они оставались без ответа. Потом она начала волноваться, что ее мама сбежала в самоволку во время пересадки или произошло что-то плохое. Спустя два дня Пола в панике позвонила в отель, так как ее мучило дурное предчувствие: *А что, если?*... Если с мамой что-то случилось, когда она была одна, Пола убила бы папу за это. Убила бы собственными руками. Но... «Ваша мать в отеле и говорит, что с ней все в полном порядке, – заверил ее менеджер на очаровательном неуклюжем английском. – Она прекрасно проводит отпуск, но не хочет ни с кем говорить».

Вот оно как. В конце концов, можно было понять, если Джини захотелось ненадолго отключиться от реального мира. Но только... ее мама была гордой женщиной, и путешествия в одиночестве были совершенно не в ее характере. Пола догадывалась, что Джини, должно быть, рыдает в белоснежную гостиничную подушку, отчаянно одинокая, испытывающая неловкость оттого, что ей все приходится делать одной. «Скажите им, что со мной все в порядке». Пола представила, как мама с заплаканным лицом шмыгает носом, когда к ней в номер стучится менеджер. (Что *подумает* персонал отеля о семье Мортимер, которая допустила подобное? По мнению Пола, Гарри следовало бы лететь на Мадейру следующим же рейсом, умолять ее о прощении. Но вместо этого он вернулся в Йорк и гостил в доме Дэйва в Клементоре, потому что не мог оставаться один. «Хоть об этом бы подумал, когда изменял маме», – сердито сказала себе Пола.)

– Я отвезу папу в аэропорт, – предложила Пола Дэйву накануне вечером. Средний брат был ей ближе всех по возрасту, и она любила его сильнее остальных братьев за доброту и серьезность. Джон, самый старший, всегда бросался вперед и первым все делал. Стивен, самый младший, был бунтарем, постоянно замыслил всевозможные шалости. Дэйв и Пола были средними в семье, послушными детьми, уравнивавшими ситуацию. – Я просто хочу сама встретить маму, понимаешь, о чем я? Я по-настоящему без нее скучала.

– Я тоже скучал, – сказал Дэйв, потом понизил голос: – Что касается папы... Честно говоря, он без нее совершенно потерянный. Не знает, что ему с собой делать. Он ни разу за всю неделю не приготовил себе ланч, пока мы с Банни были на работе. Говорит, что не хочет позволять себе вольности.

– Скорее, он не умеет включать тостер, – отреагировала Пола, закатив глаза. Ее папа принадлежал к «старой школе» мужей, которые считают кухню и все находящееся в ней территорией жены. «Но ему следовало бы хотя бы *попытаться* и что-нибудь себе приготовить, а не сидеть весь день голодным», – с досадой подумала Пола.

Как бы там ни было, теперь Пола и Гарри вместе шли через терминал. Обоим не терпелось встретить Джини.

– Зал прибытия вон там, – сказала Пола, указывая вперед. – Ну, что ты чувствуешь перед встречей с мамой? – поинтересовалась она, с болью в сердце вспоминая, как дрожала нижняя губа мамы в последний раз, когда они собирались вместе. – Ты уже подумал о том, что ей скажешь?

Гарри смотрел в пол, пока они шли, и Пола гадала, не вспоминает ли он сцену недельной давности и то, как поступила Джини.

– Ну, я уже миллион раз это говорил, – ответил он. – Мне искренне жаль, и я люблю ее. И я надеюсь, что она сможет простить меня. – На его лице появилось выражение испуга. – Но, если нужно, я повторю все это снова, как только ее увижу. И я буду повторять эти слова до тех пор, пока она не примет мои извинения.

– А что насчет Фрэнки, она с тобой связывалась? – спросила Пола, испытывая странное чувство, как это случалось всегда, стоило ей подумать об этой неизвестной сестре, загадочной гостье на празднике. Поле не удалось даже взглянуть на нее, но она почему-то все время представляла разгневанную молодую женщину, жаждущую мести. – Тебе удалось ее разыскать?

– Разыскать ее? – Они остановились перед экраном с расписанием прилетов и вылетов, и Гарри уставился на него невидящими глазами. – Ой, я даже не думал... То есть...

– Ты можешь поискать ее на Фейсбуке или загуглить ее фамилию, если знаешь, – продолжала Пола, до конца не понимая, почему она помогает отцу, хотя сама даже не знает, нужна ли ей сводная сестра.

– На Фейсбуке, – повторил Гарри, как будто это была какая-то страна, о которой он слышал, но никогда там не бывал. – Думаю, я мог бы попытаться, если ты считаешь, что это хорошая идея, – неуверенно добавил он. Тут его лицо просияло, и Гарри указал на экран. – Ее самолет приземлился! – воскликнул он. – Она вернулась. Она вернулась!

Гарри выглядел таким по-детски взволнованным, но при этом настолько нервным и уязвимым, что Поле впервые стало его немного жалко. Без мамы папа действительно был беспомощным. Если бы Дэйв и Банни не взяли его к себе, он бы, вероятно, всю неделю питался кое-как. Этим утром Пола заехала вместе с ним в родительский дом и обнаружила, что почта так и валяется кучкой на коврик у двери, комнатные растения поникли, а сливочное масло, оставленное на блюде с предыдущих выходных, протухло.

– Папа, нельзя допустить, чтобы мама вернулась в такой дом, – сурово сказала она отцу, открыв дверцу холодильника и обнаружив, что он практически пуст. Пола отправила Гарри за продуктами, а сама принялась за уборку, удивляясь его беспомощности. Ничего удивительного в том, что ему хочется, чтобы все вернулось на круги своя. Возможно, после этого он будет ценить Джини чуть больше.

– Нам придется немного подождать, папа. Ей еще надо забрать чемодан и пройти паспортный контроль, – предупредила Пола, но Гарри уже торопливо шел к воротам.

Она последовала за ним, и они стали ждать вместе. Сначала прилетевшие выходили поодиночке, потом хлынули толпой, это был поток загорелых людей, жизнерадостных и окрепших после отдыха на Мадейре. Пакеты из дьюти-фри весело позвякивали. Раздувшиеся чемоданы катились на колесиках. Одна семья направилась к парковке. Другую встречали друзья. Мужчина и женщина в темных очках были явно с похмелья, они держались за руки и улыбались друг другу. Пассажиры выходили один за другим, но Джини все не было.

Через полчаса после того, как самолет приземлился, через ворота, тяжело шаркая ногами, вышел пожилой мужчина с ходунками. За ним ворота закрылись. Казалось, можно было услышать, как бурлит возбуждение Гарри: ворота оставались закрытыми. Он нахмурился и облизнул губы.

– Это странно, – сказал он. – Где же она?

– Мама, должно быть, зашла в дамскую комнату, чтобы подкрасить губы, – предположила Пола. Ведь все знали, что Джини красит ресницы, даже отправляясь работать в саду, а уж

эффектные выходы она всегда любила. К тому же если бы сама Пола поссорилась с мужем до такой степени, что в ярости улетела в отпуск одна, она бы уж точно, черт побери, зашла в туалет и проверила прическу и макияж, прежде чем выйти из зоны прилета. А разве большинство женщин поступило бы иначе?

– Возможно, задержка с багажом, – предположил Гарри, глядя на свои часы. – Они же перевозят чемоданы в таких больших тележках, да? Никогда не знаешь, а вдруг одна из таких тележек застряла или... – Его голос прервался.

– Мама появится через минуту, – попыталась подбодрить отца Пола. Но прошла и эта минута, и следующая, и еще одна, и они оба начали сомневаться в этом.

«*Все в порядке, мама?*» – Пола отправила сообщение матери, пока Гарри шел к стойке информации, надеясь выяснить местонахождение жены. Через несколько секунд телефон Пола пискнул, оповещая о входящем сообщении. Пола прочла его и ахнула.

– Ой... Папа! – позвала она, моргая и снова перечитывая текст, проверяя, не сошла ли она с ума. – Тебе лучше подойти сюда и прочитать это...

– Не может быть! – изумленно выдохнула Робин, когда Джон передал ей последние новости о Джини. – Ее не было в *самолете*?

– А с ней все в порядке? – с тревогой спросила Банни, когда Дэйв сообщил новость ей. – Что ж... А когда она *вернется*?

«*Какого черта???*» – Это было сообщение Стивена. – *Нужно ли нам вмешаться?*»

– Черт подери, – выпалил Мэтт. Он сидел в шезлонге в патио, когда Пола вернулась домой, все еще не придя в себя от шока, и рассказала ему о самых последних событиях. – И что теперь?

Пола рухнула в кресло рядом с ним. Она никак не могла поверить в то, какое сообщение ей прислала мама. «*Я решила остаться здесь еще на некоторое время, – говорилось в нем. Его простота граничила с грубостью. – Отлично провожу время. Не знаю, когда вернусь.*»

– Что теперь... – повторила Пола, массируя висок, чувствуя, как подступает головная боль. – Папе нужно каким-то образом убедить ее вернуться. Иначе... – она пожала плечами, мрачная, не в силах отойти от потрясения, – иначе ты не хуже меня знаешь, что из этого выйдет.

Глава девятая

«Я помню, ты говорила, что не хочешь об этом знать, – писала Кэти, мать Фрэнки, – но на случай, если передумаешь, вот факты». Письмо было засунуто в альбом с детскими фотографиями, который Гэрет убрал в коробку, когда разбирал вещи в их с Кэти доме вскоре после ее смерти. Фрэнки могла бы не найти это письмо еще в течение многих лет, возможно, вообще никогда, если бы однажды промозглым зимним днем Фергюс не начал оспаривать тот факт, что она и Крэйг тоже когда-то были младенцами. «Нет, – твердо заявил мальчик и замотал головой, отчего густые темные кудряшки пустились в пляс. – Вы мои мамуля и папочка. Не младенцы». Крэйг рассмеялся и нашел свой старый снимок-доказательство, когда он был новорожденным, моргал и не мог даже держать голову. От Фрэнки потребовали тоже найти такой снимок. Письмо, от которого все еще знакомо пахло мамиными духами, выскользнуло из фотоальбома. И с оглушительным треском ящик Пандоры открылся.

Письмо? Ей? Разумеется, Фрэнки сразу же вскрыла его, забыв о фотографиях, и у нее в груди стала, как пузырь, набухать радость. Последний сюрприз от матери, последнее письмо, которого она не ждала! «Какой подарок, какое счастье», – с удовольствием подумала она тогда. Но потом она увидела первые предупреждающие строки, сразу перечитала их, и радость сменилась тревогой, а сердце пустилось в тяжелый, беспокойный галоп. Она в смятении отложила письмо в сторону, но почувствовала, как оно притягивает ее. Так водитель смотрит на аварию на противоположной полосе шоссе. Не хочется смотреть. Хочется увидеть. Не хочется знать. Но насколько все *действительно* плохо?

Фрэнки осталась сидеть с письмом на коленях. Она подняла глаза на окно спальни, как будто искала подсказку. *Ты впервые оказалась права, мама. Я не хотела знать. Я была счастлива с тобой, а потом с тобой и Гэретом, и мне этого было достаточно.*

Но кто из людей смог бы не прочесть последнее письмо матери? Кто бы отказался от возможности в последний раз увидеть этот наклонный почерк, услышать слова, произнесенные маминым голосом? Взгляд Фрэнки снова упал на бумагу, и она продолжила читать, зная, что у нее не будет пути назад:

«Что ж, он был красив, а я была молода – и намного красивее, чем сейчас! А еще он был добрым, веселым и... Ну, ты знаешь. История стара, как мир: я в него влюбилась. Да, я знала, что он женат. Становлюсь ли я от этого плохим человеком? Вероятно, Фрэнки, но уже было слишком поздно. И потом, как это могло быть плохим решением, когда ты стала восхитительным продолжением нашего романа?!

Боюсь, он о тебе не знает. У него уже было четверо детей, и когда я узнала, что беременна, я понимала, что он не оставит их и жену ради меня. Это был конец учебного года, моя работа в школе тоже подошла к концу, поэтому я сбежала, пока ситуация еще больше не усложнилась. С тех пор я его больше не видела.

К черту! Так я подумала. Я могу справиться одна. Я хотела тебя. Понимаешь, я очень сильно тебя хотела. «С нами все будет в порядке», – сказала я себе (и тебе) и отправилась автостопом в Лондон с последним зарплатным чеком в кармане. Я потратила эти деньги на самую красивую белую кровать для тебя и новое зимнее пальто для меня, а потом появилась на пороге твоей бабушки с вопросом, поможет ли она мне. И мы справились, правда? Мы не купались в роскоши, но ты никогда ни в чем не нуждалась. Ты всегда была окружена моей любовью, Фрэнки, и я надеюсь, что ты это

ощущала, как только твое сверкающее поле силы, потому что я изо всех сил старалась окружить тебя им каждый божий день.

Твоего отца, моя дорогая, зовут Гарри Мортимер, он живет в ближайшем пригороде Йорка. Возможно, он давно переехал или умер, или у него уже семнадцатая жена к этому моменту, кто знает? Но если тебе захочется встретиться с ним, то вот его адрес: Бишопторп, Пенни-стрит, 12. Это около пяти миль от города. Даже если он уехал, четверо его детей выросли – они примерно твоего возраста! – так что ты могла бы встретиться с ними. У тебя наконец будут три брата и сестра. Ты всегда хотела иметь брата или сестру, верно? Мне жаль, что я не могла подарить тебе их сама.

Я сожалею, если шокировала тебя. Уверена, так оно и есть. Я могу представить, как ты читаешь письмо и замираешь, пытаясь переварить все это. И у меня щемит сердце, оттого что меня нет рядом, чтобы обнять тебя, попросить прощения за этот удар. Знаешь, я бы предпочла сама рассказать тебе обо всем. Мы бы с тобой поболтали как обычно. Надеюсь, ты не возненавидишь меня за то, что я вот так рассказала тебе обо всем. Я просто подумала: я не могу умереть и ничего тебе не сказать. Я не могу отбросить коньки и оставить тебя ни с чем: ни имени, ни намека. Теперь ты знаешь. Кстати, ты на него похожа. Разумеется, ты красивее, но это благодаря мне.

Моя самая любимая девочка, мой самый лучший человек, знай, что это было написано из любви к тебе. Когда бы ты ни прочла это письмо, я целую тебя издали, желаю тебе всего самого наилучшего и всего счастья в мире. С любовью, мама».

Одно письмо, один листок бумаги, и почва оказалась выбита из-под ног Фрэнки. Сначала она рассердилась: ее обманом заставили выслушать то, о чем она знать не хотела и всегда настаивала на этом. Потом она загрустила, оплакивая потерю любимой матери, чьим голосом, юмором и любовью были наполнены написанные ею от руки слова. Но в конце концов Фрэнки почувствовала, что сходит с ума от любопытства и ошеломлена новой информацией. Во-первых, три сводных брата и сводная сестра. Во-вторых, она похожа на своего отца. И в-третьих, она теперь знает его имя!

Одно-единственное письмо оказалось взрывоопасным, как динамитная шашка. Фрэнки тогда подумала: как она может написать этому Гарри Мортимеру и не ощущать, что ее письмо станет таким же оружием? Но злополучная поездка на север убедила ее, что письмо, вероятно, было бы лучшим вариантом знакомства. Фрэнки решила, что попытается еще раз, делает удачную попытку, извинится, если испортила его праздник. И если он ей не ответит, значит, так тому и быть. По крайней мере, она попыталась.

И все же каждый раз, когда Фрэнки собиралась написать идеальное письмо, оказывалось, что ей не удается найти правильный тон, и она беспокоилась о том, как она себя преподносит. Ей хотелось произвести хорошее первое впечатление – второе впечатление, если быть честной, – но это было нелегко. Первое письмо вышло слишком жестким, она как будто защищалась. Следующее получилось излишне робким и извиняющимся, третье – чересчур дружелюбным, она выложила слишком много деталей о своей жизни; четвертое – отчаянным, почти умоляющим, пятое – сочетанием всех предыдущих. В конце концов Фрэнки отшвырнула от себя ручку и бумагу. Идеального письма просто не существовало.

И ее выводило из себя не только собственное неумение написать письмо. С того неприятного и незапланированного визита Джулии в прошлый четверг в квартире воцарилась атмосфера подавленности, как будто все они получили отсрочку в ожидании следующего драмати-

ческого эпизода. Фрэнки чувствовала себя беспомощной перед лицом матери Фергюса и перед законом тоже. До этого она тешила себя надеждой, что со временем сможет усыновить Фергюса или хотя бы подать прошение об опекунстве. Но они с Крэйгом были вместе всего лишь три года. Ей не хотелось забегать вперед и слишком рано касаться этой темы. Теперь она сожалела о том, что не была более активной, и в сложившейся ситуации у Джулии было больше силы.

– Не волнуйся, – успокоил ее Крэйг. – Вся эта чушь о священных материнских правах... Сейчас все совсем не так, что бы они ни сказали ей в этом Совете граждан – если она вообще туда ходила, – держу пари, что она не рассказала им всю историю. Потому что никто в здравом уме не решит, что ее права на Фергюса перевешивают мои.

– Нам, наверное, следовало бы дать ей шанс, – неохотно ответила Фрэнки. Не потому, что ей понравилась Джулия или что-то в этом духе, а потому, что ей это казалось единственным достойным развитием событий. Джулия родила Фергюса. Он вырос в ее теле. Не говоря уже о том, что отказ Джулии от материнства стал счастьем для Фрэнки. Она была перед ней в долгу, правда.

– Это будет нехорошо для Фергюса, – без выражения ответил Крэйг. – Джулия – воплощение хаоса. И она его совсем не знает.

– Но она сказала, что чувствует себя лучше, – напомнила ему Фрэнки. На это он только фыркнул.

– Одни разговоры, – пробормотал Крэйг. – Подожди, все еще изменится. Не забывай, я ее знаю.

Это было не слишком большим утешением. Потому что Фрэнки ее *не* знала и не догадывалась, на что та способна. Поэтому, даже если ей хотелось быть справедливой по отношению к Джулии и не вычеркивать ее из своей жизни, Фрэнки поймала себя на том, что держится поближе к Фергюсу на празднике у его подруги Прины. Обычно она пила кофе в ближайшем кафе, подальше от разбушевавшихся малышей. Но не в этот раз.

– Вот с этим нам, мамам, приходится мириться, да? – со смехом сказала ей одна из женщин, пока они ползли по блестящему красному туннелю, чтобы вытащить застрявшего малыша. И эти слова вонзились во Фрэнки, словно кинжалы. Она уныло подумала о том, что перестанет *быть* мамой, если Джулия заберет Фергюса. За один вечер этот мир закроется для нее, резко опустятся металлические жалюзи, оставляя ее за его пределами. Мысль об этом была невыносимой. Фергюс стал самым замечательным подарком, бонусом, который шел в придачу к Крэйгу. Фрэнки одновременно влюбилась в них обоих, и ей безумно нравилось учиться тому, как быть мамой для Фергюса. «Как ты думаешь, вы могли бы завести общего ребенка? То есть еще одного ребенка». Об этом подруги время от времени спрашивали Фрэнки, и она всегда мучилась с ответом. Да, разумеется, она была бы рада родить ребенка от Крэйга, но она уже так беззаветно обожала Фергюса. Осталось ли вообще место в ее сердце для другого малыша?

Фрэнки считала само собой разумеющимся, что он навсегда останется ее сыном, а она – его мамочкой, вот в чем дело. Но она *не была* его матерью, так ведь? А теперь она оказалась в опасности: Фергюса – и ощущение материнства – могли увести у нее из-под носа.

– Ну разве нам не повезло? – ответила она матери, заговорившей с ней, выдавив из себя смешок. Но в глубине души она чувствовала, что готова вцепиться в Фергюса и никогда его не отпускать. Порой не понимаешь, насколько ты счастлив, пока не столкнешься с угрозой все потерять.

Наступил понедельник, и Фрэнки, первым делом отправив Фергюса в детский сад, смогла вернуться мыслями к работе, которой она планировала заниматься следующие несколько часов. Она успела пообщаться с возможным новым клиентом, руководителем отдела искусств в достойной компании, выпускавшей поздравительные открытки, и тот попросил ее предложить идеи для нового дизайна. Теперь она обдумывала идею линейки открыток с семейством

драконов и за выходные сделала несколько набросков в блокноте: покрытые чешуей хвосты, округлые животы, величественные крылья и пышущие огнем ноздри. Ведь все любят драконов, верно? Особенно таких толстеньких и забавных, какими она их видела. Теперь ей требовалось перенести свои мысли, смелые и яркие, на бумагу в надежде, что они понравятся клиенту.

Должно быть, почтальон приходил, пока ее не было дома, потому что на коврик у двери лежал конверт, адресованный Крэйгу. Было в его толщине и ощущении от как будто накрахмаленной дорогой бумаги нечто такое, что заставило Фрэнки еще раз посмотреть на него, пока она шла в кухню. На почтовом штемпеле был код восточного Лондона и название компании, которое она не узнала: «Харгривс и Уинтер». Звучало как название юридической фирмы, с тревогой подумала Фрэнки, кладя конверт на стол перед Крэйгом.

– Это тебе, – сказала она.

Он, хмурясь, сидел перед ноутбуком и пытался придумать начальные фразы для обзора на книгу, который он писал для культурного раздела газеты.

– Ага, – пробормотал он, уставившись в экран, а потом сощурился и снова начал печатать.

Фрэнки замялась. Большой альбом для набросков и цветные карандаши звали ее, но она не удержалась и снова посмотрела на конверт. У нее появилось плохое предчувствие.

– Может быть, тебе стоит открыть конверт, – предложила она. – Похоже, в нем что-то важное. Не могу отделаться от тревоги... – Фрэнки не договорила, не желая испытывать судьбу, произнося слова вслух. Возможно, она слишком много думала о сложившейся ситуации и сделала неверный вывод. Так ведь?

Крэйг с удивлением посмотрел на нее, но согласился. Он сломал печать и достал бумагу, лежавшую внутри. Он быстро просмотрел текст и резко вздохнул.

– Я, черт подери, так не думаю, – сказал Крэйг, и его лицо потемнело. Он через стол пододвинул письмо к Фрэнки, из его горла вырвалось рычание. – Вот дерьмо! Мне стоило догадаться, что она попытается сделать нечто подобное.

Интуиция не обманула Фрэнки. Письмо было из адвокатской конторы. Коротко и по делу: в связи с изменившимися обстоятельствами их клиентка, мисс Джулия Атанас, выдвигает иск об определении места жительства ее сына, Фергюса Джейкобса, сначала под совместной опекой, чтобы в конце концов он все время жил с ней. Адвокаты надеялись, что мистер Джейкобс согласится с этим. В противном случае они будут рекомендовать посреднические встречи для разрешения ситуации.

Слова насмешливо танцевали перед ней на странице, и Фрэнки услышала свой собственный стон боли, как будто ее кто-то по-настоящему ударил.

– Определение места жительства, – вслух прочла она, не веря своим глазам. Ее руки дернулись от желания немедленно обнять вертлявое теплое тельце Фергюса, уткнуться лицом в его кудрявые волосы и окунуться в исходящее от него добро. Разве она этого не знала заранее? Разве ее страх не был оправданным?

– Джулия хочет, чтобы он у нее жил, – мрачно сказал Крэйг. – Жил у нее, когда он ее совсем *не знает*. Что ж, только через мой труп. Этого не будет.

Сердце Фрэнки тяжело стучало, боль отдавалась в ребрах при страшной, невыносимой мысли о том, что Фергюс больше не будет жить с ними. Что она не сможет укладывать его спать, не будет смотреть на его красивое спящее личико, не услышит его хихиканья, песен и изображаемых им звуков железной дороги... О боже! Нет. Об этом даже думать было страшно.

– Они не могут... То есть никто не мог подумать, что так лучше для Фергюса, – с ужасом пробормотала Фрэнки. – Он живет здесь, с нами. Мы – его семья!

Все возвращается к семье, думала она в оцепенении, пока Крэйг ходил по кухне и крыл последними словами свою бывшую. Неужели с семьей нужно быть связанным кровью и генетикой, чтобы она имела значение? Потому что их маленькая семья из трех человек, частью которой она стала, строилась на любви. Но внезапно это оказалось невероятно хрупким. Фрэнки

росла единственным ребенком, ее мама уже умерла, а отчим уехал из страны, поэтому Крэйг и Фергюс были ее единственной семьей, если не считать Гарри Моргимера и его клана, а их она не считала. Ей казалось смешным, что технически, Гарри и четверо других его детей могли с большим правом считаться семьей Фрэнки, чем два человека, которых она любила больше всего на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.